

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Журавлева О. М.* Статистические описания Санкт-Петербурга первой половины XIX века 3
- Калашников В. В.* Политический пиар в ретроспективе истории 8
- Лукьянович О. В.* Некоторые аспекты становления жанра фортепианной миниатюры 14
- Макарова Г. И.* Проблема освещения в СМИ культурной жизни и межэтнических отношений в национальных республиках РФ (по материалам Республики Татарстан) 23

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

- Броневицкий Г. Г.* Закономерности военно-морской психопедагогики 27

СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- Гаркуша В. Н.* Использование систем управления проектами специалистами по связям с общественностью 34
- Кисельников В. М., Кудрявцева М. Е.* Специалист по связям с общественностью как андрагог 38

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

- Денисов А. И.* Организационные факторы осуществления муниципальной реформы в Российской Федерации 45
- Марков Б. В.* Этические послания человечеству 49
- Степихова А. А.* К вопросу об этнологии как науке 56

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Стишкова Л. И.* Через «семантические дебри» английской идиоматики к эффективному профессиональному межкультурному общению (на материале текстов по экономике, финансам и менеджменту) 60

Редакционная коллегия:

О. Ю. Маркова
(главный редактор),
Н. К. Гигаури
(ответственная за выпуск),
В. В. Калашников,
С. Л. Бурлакова,
О. А. Преображенская,
А. В. Ранчин,
Е. В. Строецкая

Редактор *И. Г. Скачек*
Комп. верстка *Е. Н. Паздникова*

Подписано в печать 25.03.04 г.
Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс».
Печать: ризограф.
Усл. печ. л. 8,25.
Тираж 100 экз. Заказ .

Издательство
СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

197376, Санкт-Петербург,
ул. Проф. Попова, 5

© СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2004

УДК 908.470.23-25(091)»18»; 470.23-25(026)»18»

О. М. Журавлева

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Рассматривается содержание статистических описаний Санкт-Петербурга первой половины XIX века, расположенных в хронологическом порядке. В кратких аннотациях к каждому изданию указаны цели, поставленные их авторами, что позволяет оценить уровень знаний и представлений о статистическом исследовании города. Принципом отбора публикаций являлось наличие комментариев к приводимым данным, а также расположение материала, позволяющее назвать работу «описанием».

Санкт-Петербург, статистика, XIX век, история краеведения

Статистические описания стали популярны в России во второй четверти XIX в. Авторы изданий пытались осмыслить разного рода сведения и данные. В публикациях, как правило, приводились не только статистические данные, но и их анализ, делалась попытка интерпретации и осмысления полученных результатов.

Новейшие на тот момент представления о статистике были сформулированы в 1828 г. в «Санкт-Петербургских Ведомостях», где поместили отрывок из сочинения господина Сея «О статистике» [1]. Автор рассмотрел три основных вопроса: что «составляет предмет статистики», что «служит ей основанием», какие сведения необходимо помещать в статистических таблицах. На вопрос о том, в чем основная задача статистики, он ответил: «Статистика имеет предметом описание гражданского состояния какого-нибудь края, области или города в данное время. К сему предмету многие присовокупляют физическое описание стран, ими рассматриваемых, но очевидно, что подобные сведения принадлежат не Статистике, а Физической Географии. Первая должна представить, каким образом существуют предметы, коих состояние последовательно изменяется» [1, с. 665].

Кроме самостоятельных статистических исследований в первой половине XIX в. издавались книги, в которых значительную часть занимали статистические сведения и их интерпретация. В данной статье уделяется внимание только двум из них – «Панораме Санкт-Петербурга» А. П. Башуцкого [2] и «Описанию Санкт-Петербурга» И. И. Пушкарева [3], как наиболее значимым работам в данной области.

В 1834 г. вышло из печати трехтомное издание Александра Павловича Башуцкого «Панорама Санкт-Петербурга» [2]. В предисловии автор заявил, что книги, подобной его замыслу, не существует: «Мы не имеем истории Петербурга, мы не имеем и Статистики его, не имеем даже описания, руководителя, простого указателя, который бы, в тесной раме ручной книги, представлял хотя очерк этой огромной картины» [2, ч. 1, с. I–V]. Не упрекая автора в том, что он несправедлив к своим современникам, которые усердно совершенствовали методы разностороннего изучения Петербурга, обратимся к части его публи-

кации, посвященной статистике. Автор собирался, как видно из предисловия, указать источники сочинения, но так и не сделал обещанного.

Вторая часть издания называлась «Статистическая записка о Санкт-Петербурге». О ней и пойдет речь. В предисловии А. П. Башуцкий предупредил читателей, что хотя статистика и является предметом его исследования, но не «полная», а лишь «необходимейшие, основанные на фактах известия, выводы, сравнения и замечания» [2, ч. 2, с. III]. Некоторые показатели А. П. Башуцкий сравнил с аналогичными показателями, выявленными для Парижа и Лондона. Таким образом, автор не собирался делать открытий в области статистики как науки, а лишь использовал ее положения для оценки некоторых данных. Подход его явно удачен и плодотворен. Например, А. Башуцкий пытается оценить количество убийств и самоубийств в Санкт-Петербурге по сравнению с Европой, предлагая вниманию читателей ряд характерных причин. Так, например, в Европе, на его взгляд, основными причинами самоубийств являются безысходность, холодная или обдуманная безнадежность, а в России – буйство, стыд, отчаяние [2, ч. 2, с. 91–92].

В 1836 г. А. П. Заблоцкий-Десятовский издал специальную книгу по статистике Санкт-Петербурга [4]. В издании учтены все сферы деятельности горожан. Не обойдена вниманием и медицина. Любопытна глава о болезнях в зависимости от времени года, эпидемиях и их зависимости от образа жизни [4, т. 1, с. 144–166]. Причем автор старается ничего не заимствовать. Любое утверждение подкреплено графиком или таблицей, очевидно, что язык цифр более убедителен. Так например, материал в главе о смертности [4, т. 1, с. 166–191] иллюстрируется графиком мужской и женской смертности в течение года [4, т. 1, с. 172]. При рассмотрении самоубийств [4, т. 1, с. 191–199] Заблоцкий-Десятовский приходит к выводу, что их причиной является среда обитания: подавляющая масса простого народа находится в отчаянии. Есть глава и о влиянии времен года на силу болезней [4, т. 1, с. 263–277]. Видимо, к такой подаче материала стремился Аттенгофер, но у него не было достаточных знаний по статистике и необходимого базового материала. Особую значимость представляет второй том издания, состоящий из 98 таблиц [4, т. 2]. Среди них – хронологические известия о наводнениях, таблица средних температур, состояний барометра и количества осадков, количества дней с безветрием, числа домов и жителей, численности браков, родившихся и умерших, и т. д. Сравнительные данные приведены в некоторых таблицах с 1764 г.

В 1839 г. вышла работа Ивана Ильича Пушкарева [3] в четырех частях. Первые три части назывались «Указатель Санкт-Петербурга», а четвертая – «Описание Санкт-Петербургской губернии». Во введении автор указал источники, которыми пользовался: «...архивы и некоторые дела по ведомствам Святейшего Правительственного Синода, Министерств: Императорского Двора, Уделов, Народного Просвещения, Финансов и Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора», но тут же добавил: «Не руководствуясь ни одною системою, принятою у нас для статистического описания городов, я составил для себя свою систему», а также и то, что «один, без сотрудников и без малейшего даже постороннего соучастия, я должен был заниматься собранием разных сведений, поверять их с официальными документами, после приводить в систематический порядок» [3, [ч. 1], [Введение]]. При этом нет никакого указания на уже изданные работы, пересекаю-

щиеся по тематике с его исследованием. Создается впечатление, что автор заново переработал все статистические данные и разработал схему изложения материала.

Содержание книги действительно представляет интерес. Названия глав и распределение сюжетов позволяют И. И. Пушкареву дать наиболее полную характеристику города. В настоящей статье уделяется внимание только первой главе, в которой автор представил «общий взгляд на С.Петербург», включающий описание местоположения города, островов, рек, климата, «нравственно-статистические» и медико-топографические замечания.

Несмотря на очевидные достоинства издания, впечатление о нем портят заимствования из других работ. Наибольшие подозрения вызывает самостоятельная разработка отдела «Медико-Статистические замечания». С трудом можно предположить, что автор не знал исследований Г.-Л. Аттенгофера* [5] и А. П. Заблоцкого-Десятовского [4, т. 1], так как даже простое сопоставление этих работ дает однозначный результат: Иван Ильич знал эти работы, более того, использовал их, конспектировал, а иногда и цитировал [ср. 4, с. 113–130, 144–166, 166–191 и 5, с. 268–338 с аналогичными главами И. И. Пушкарева]. Одна из глав вышеуказанного отдела, посвященная деторождаемости и влиянию на нее времен года, представляет собой конспект главы сочинения А. П. Заблоцкого-Десятовского. Полностью заимствована у Г.-Л. Аттенгофера глава «Болезни» [3, [ч. 1], с. 60–68]. Примечательно, что И. И. Пушкарев все же вспоминает, что при составлении данной главы он основывался «на наблюдениях опытных медиков» [3, [ч. 1], с. 60], забывая, что эти наблюдения уже изданы, и не называя имен.

С точки зрения заимствований характерна часть первой главы под названием «Климат», которая представляет собой текст главы «Времена года» «Медико-статистического описания» Г.-Л. Аттенгофера [ср. 5, с. 86–92 и 3, [ч. 1], с. 36–38] с незначительной редакционной правкой. Например, для сравнения у Г.-Л. Аттенгофера на странице 84 читаем: «Когда же она [Нева – О. Ж.] вскрыется только в последних числах Апреля, и Ладожский лед проходит в Мае; то большую часть сего последнего не должны мы оставлять шубы; в такие-то годы лишены бываем и самых немногих приятных весенних дней; ибо вдруг после сего возвышается термометр до такой теплоты, каковую единственно внезапно наступлению лета приписать можем». У И. И. Пушкарева на страницах 35–36 видим: «Когда Нева вскрыется в последних числах Апреля и Ладожский лед появится в Мае, то холод заставляет самых отчаянных щеголей кутаться в шубы. В эти годы жители Петербурга лишаются удовольствия насладиться, хотя бы немногими, приятными весенними днями, потому что после стужи внезапно наступают жары».

Приводимые И. И. Пушкаревым данные о плодородии также аналогичны сведениям, сообщенным в третьем отделении «Описания» Г.-Л. Аттенгофера «Народонаселение и смертность» [ср., 5, с. 133–134 и 3, [ч. 1], с. 58–59].

Сравнивая главы «Народонаселение», у А. П. Заблоцкого-Десятовского на странице 115 читаем: «...в 1801 году, встречаем убыль, до 18.065 человек простиравшуюся, а напротив в течение одного 1804 года число жителей возросло – 56.218. Это объясняется многими обстоятельствами: отсутствием Двора из столицы, движениями войска и ходом

---

* Работа самого Г.-Л. Аттенгофера здесь не рассматривается, поскольку не является исследованием по статистике Санкт-Петербурга.

торговли, особенно заграничной». Кроме этого года автор проанализировал и предыдущие. У Пушкарева же (страница 42) оценены показатели только 1801 г.: «...значительная убыль народонаселения до 18.065 человек произошла, в 1801 году, как полагают, по случаю отсутствия Двора из столицы, движений войск и торговли, отвлекавшей много людей за границу».

Такой, с современной точки зрения, плагиат мог быть обусловлен и тем, что книги выходили небольшим тиражом, и тем, что научные методы исследования еще не были разработаны, что определяет уровень развития науки не только в России, но и в Европе. Считалось ли это плагиатом в начале XIX в.? Проблемы, связанные с авторскими правами, в журналистике стали подниматься раньше, чем в книжном деле, но раз возникнув, они не ушли в небытие, хотя методики их решения еще не было разработано. Так, в журнале «Сын Отечества» за 1825 г. была помещена гневная статья в разделе «Отечественная словесность»: «Перечень из писем к Издателям из Москвы, от Г. А. О.». Речь шла о перепечатках в «Московских Ведомостях» статей из «Северной пчелы» без указания источников. Конкретно назывались номера обоих журналов, где были найдены аналоги. В завершении приводился риторический вопрос: «Но кто успеет пересчитать? В каждом номере появляется новое заимствование чужой собственности» [6]. Таким образом, И. И. Пушкарев рисковал подвергнуться такому же суровому разбору, и ему просто повезло, что ни Г.-Л. Атенгофер, ни А. П. Заблоцкий-Десятовский не заметили плагиата.

В 1844 г. в журнале Министерства внутренних дел была опубликована статья под названием «Население С.-Петербургской столицы в 1843 году» [7]. Прежде чем приводить данные и анализировать их, автор статьи объяснил, в чем значимость его работы и какой в ней смысл: «В настоящее время, во всех статистических описаниях, очерках и взглядах, как общих, так и частных, непременно выставляется цифра народонаселения описываемой местности, разлагаемая по полам, состояниям и вероисповеданиям», «но одно численное их представление далеко не удовлетворяет прагматическим требованиям статистики. Цифры мертвы и безмолвны, пока размышление не воззовет их к жизни...» [7, с. 476]. Придерживаясь таких взглядов, автор не просто фиксирует число жителей Петербурга, распределенных по сословиям, вероисповеданиям, но и приводит наблюдения по соотношению полов в населении по различным сословиям, оценивает причины детской смертности, анализирует состав населения по частям города относительно пропорции полов.

В том же журнале вскоре была напечатана статья «Москва и С.-Петербург, сравненные в отношении к их населению» [8]. Задачу работы автор определил так: «Наши две Столицы, развивающиеся под влиянием различных, внутренних и внешних, условий, естественно должны представлять значительное различие в составе их населения. Но в чем именно состоит это различие, и до какой степени оно простирается?» [8, с. 295]. Статья полностью отвечала заявленной задаче, поэтому нет необходимости разбирать ее содержание.

В 1849 г. было издано «Историко-статистическое обозрение учебных заведений С. Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно», составленное А. Вороновым, инспектором пятой Санкт-Петербургской гимназии по поручению попечителя Санкт-Петербургского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина [9]. В предисловии

составитель перечислил использованные источники: «...кроме кратких исторических записок, вытребованных заблаговременно от Директоров училищ Санкт-Петербургского округа открыты были мне Архивы Департамента Народного Просвещения, Санкт-Петербургского приказа Общественного Призрения, Дирекции училищ С.Петербургской губернии и канцелярии Г. Попечителя С.Петербургского Учебного Округа» и т. д. [9, с. III]. В книге материал расположен согласно специально выбранной составителем схеме: «При изложении материалов я располагал их по отделам с тою целью, чтобы желающий познакомиться с какою-нибудь стороною состояния училищ, мог проследить ее от начала до конца, чего нельзя было бы сделать, если бы в изложении своем я держался строго хронологического порядка; принятый мною способ изложения и более приличен обозрению, не имеющему притязания на название Истории; довольно, если уже любопытный читатель и будущий историк найдут здесь приведенные в систему материалы, верные и извлеченные из официальных источников; для возможности проверки везде на своих местах приводятся ссылки на источники» [9, с. V]. Содержание книги разделено на три периода (1715–1786, 1786–1803, 1803–1828 гг.) и включает не только описание существовавших в разное время учебных заведений и ведомств, но также их уставов, правительственных мер по улучшению состояния народного образования, приложения, где приведены именные списки выпускников Благородного пансиона С.-Петербургского университета, Университета, высшего училища и наставление профессору Кукольнику для осмотра учебных заведений Петербурга.

Подводя итог приведенным выше статистическим публикациям о Санкт-Петербурге, отметим, что в первой половине XIX в. впервые были предприняты попытки описать происходившие в городе процессы с помощью статистики. Для сравнения, статистика Москвы в тот период находилась на том же уровне [10], и никаких заимствований между статистическими описаниями Москвы и Петербурга не прослеживается, также как и заимствований из европейских статистических исследований. Принципы составления статистических описаний Петербурга разрабатывались самими авторами с учетом особенностей города и доступности различного рода источников, на которых были основаны их исследования. Исключение составила только работа И. И. Пушкарева, которая, скорее всего, является отражением зачаточного состояния такого жанра описаний города, как статистические исследования.

Список литературы

1. О статистике. Выписка из рассуждения Г. Сея // Санкт-Петербургские Ведомости. 1828. Ч. 1. № 47. С. 665–666; № 48. С. 681.
2. [Башуцкий А. П.] Панорама Санкт-Петербурга. Ч. 1–3. СПб., 1834.
3. Пушкарев И. [И.] Описание Санкт-Петербурга. [Ч. 1], Ч. 2. СПб., 1839; Ч. 3. СПб., 1841; Ч. 4. СПб., 1842.
4. [Заблоцкий-Десятовский А. П.] Статистические сведения о Санкт-Петербурге. Изданы при министерстве внутр. дел: [В 2 т.] СПб., 1836.
5. Аттенгофер Г.-Л. Медико-топографическое описание Санкт-Петербурга, главного и столичного города Российской империи / Пер. с нем. СПб., 1820.
6. Перечень из писем к Издателям из Москвы, от Г. А. О. // Сын Отечества. 1825. Ч. 102. С. 288–301.
7. Население С.-Петербургской столицы в 1843 году // ЖМВД. 1844. Ч. V. С. 475–496.
8. Москва и С.-Петербург, сравненные в отношении к их населению // ЖМВД. 1844. Ч. VI. С. 295–306.

9. Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. Составлено по поручению г. Попечителя С.Петербургского Учебного Округа, Тайного Советника М. Н. Мусина-Пушкина, А. Вороновым, Инспектором пятой С.Петербургской Гимназии. СПб., 1849.

10. Андросов В. Статистическая записка о Москве. М., 1832; [Гастев М.] Материалы для полной и сравнительной статистики Москвы. М., 1841. Ч. 1.

O. M. Zhuravleva

STATISTIC DESCRIPTIONS OF SAINT-PETERSBURG ISSUED IN THE FIRST PART OF THE 19TH CENTURY

This article deals with the content of statistic descriptions of S.-Petersburg, that were published in the first part of the 19th century. All the books used in the article followed each other according to the date of printing. There are short annotations for each book, where the aims of authors are mention, that allow readers to value the level of statistic knowledge and acquaintance. The article analyzes only descriptions as the main principles of selection were the existence of comments and specific arrangement of the material.

St.-Petersburg, statistics, 19th century, the history of regional studies

УДК 940.1

В. В. Калашников

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПИАР В РЕТРОСПЕКТИВЕ ИСТОРИИ

Содержится краткий анализ опыта применения политического пиара в мировой истории.

Политический пиар, исторический опыт, история России, всемирная история

Цель настоящей статьи состоит не в том, чтобы просто показать, что «ничто не ново под луной», а обратить внимание на мало изученный и осмысленный, но чрезвычайно богатый опыт создания пиар-акций в мировой истории в целом и истории России в частности.

Начнем с терминов. Что такое *пиар* вообще? Существуют сотни разных определений. Предлагаем самое простое: пиар – это технология общения. Термин «технология» (от гр. *techne* – мастерство, умение) употребляется в самом распространенном значении: совокупность приемов и методов, применяемых в процессе производства любой продукции. В данном случае продукцией является результат общения. Если результат отвечает поставленной задаче, следовательно, избранные приемы и методы общения оказались эффективными.

Что такое политический пиар? Это – технология общения политиков с политически значимой аудиторией. Пиар определяет именно методы и приемы общения, а не содержание. Содержание определяет идеология. Однако такое разграничение условно, границы подвижны. Особенно в политическом пиаре, который порой диктует содержание: людям говорят то, что они хотят услышать, а получив от граждан право на осуществление властных решений, политики делают то, что собирались делать.

Закономерен вопрос: «Когда появился политический пиар?». Ответ: «Политический пиар существует столько же, сколько существует политика, т. е. сфера деятельности, связанная с отношениями между социальными группами, между вождями и массами».

Египет. Древнейшими цивилизациями являются цивилизации Шумера и Египта. О политической истории Шумера (3-е тыс. до н. э.) известно мало, о Египте – больше. Уже в эпоху Древнего царства (то же самое 3-е тыс. до н. э.) всю деятельность верховной власти обрамляли сложнейшие ритуалы и идеологемы. Концепция фараона как живого бога, его «жизнь после жизни», превращение в бога Осириса, создание грандиозной усыпальницы и нетленной мумии, сложная процедура ежедневной службы в погребальном храме – это классика политического пиара в автократической политической системе.

Рассмотрим кратко суть мифа об Осирисе и связанных с ним обрядов с точки зрения политического пиара. С Осирисом и его женой Исидой связана самая чудесная и популярная среди простого народа легенда. Согласно этой легенде, Осирис научил людей земледелию и стал правителем Египта, но его брат, злой и завистливый бог Сет, предательски убил Осириса, чтобы захватить трон. При этом тело Осириса разрубили на мелкие куски и разбросали по всей стране. Исида, жена Осириса, собрала все куски в единое целое и непорочным образом зачала от мертвого мужа сына Гору. Когда Гор вырос, он убил Сета и воскресил отца. Однако Осирис оставил земной трон Гору, а сам стал царем и главным судьей загробного мира. Так Осирис стал символом умирающей и воскресающей природы. Ежегодно крестьяне связывали обряд сеяния зерна в землю с погребением Осириса, а появление урожая – с его воскресением. Исида олицетворяла женское начало в культе плодородия, самом почитаемом в Египте.

И вот фараон оказывается связанным и с Гором и с Осирисом: при жизни фараон олицетворяет Гору, после смерти превращается в Осириса, становится одной из его ипостасей. Не случайно Осирис изображался как человеческая мумия, т. е. выглядел так же, как и мумия фараона. Таким образом любовь и уважение, которые народ питал к Гору, Исиде и Осирису, переносилась на фараона. Ритуальные обряды постоянно подчеркивали и закрепляли эту связь. Сакральным знаком Осириса был столб Джед – стилизованное изображение позвоночника бога, выступавшее символом стабильности всего мира. В канун юбилея царствования фараона в эпоху Древнего царства в Мемфисе происходила церемония поднятия столба Джед с участием фараона, который сам тянул канат. Затем утвердился обычай поднятия столба Джед и по случаю коронации фараона. Во время этих и других празднеств разыгрывались сцены на мифологические сюжеты. Они ставились по всем законам драматического искусства. Можно сказать, что первая драма появилась в Египте и была подчинена задачам укрепления авторитета верховной власти, т. е. являлась пиар-акцией.

Древнеегипетский опыт показывает, что общение между людьми совсем не обязательно должно носить вербальный характер. Политический пиар эпохи фараонов огромное внимание уделял ритуалу – сложному комплексу приемов поведения, которые убеждали подданных в том, что они действительно имеют дело с живым богом. Фараон практически не общался с подданными, он им *являлся* в редких случаях. Его недоступность – важнейший инструмент создания концепции фараона как живого бога. Ритуалы явления фараона

народу были тщательно разработаны, равно как и ритуалы приемов и аудиенций, которые фараон давал для знати.

Важную роль играла одежда фараона. Историков поражает роскошь нарядов правителей, о которых можно судить по фрескам и неразграбленным захоронениям. Для Египта примером в этой связи может служить известная гробница Тутанх-Амона – фараона эпохи Нового царства, который вошел в историю в связи с тем, что именно его гробница осталась не разграбленной и в 1922 г. была открыта английским археологом Г. Картером. Там найдены прекрасные изделия из золота, ценных пород дерева, полудрагоценных камней. Отметим, что Тутанх-Амон был незначительным фараоном, который умер молодым, процарствовав всего несколько лет. Его склеп был одним из самых маленьких в Долине царей. Но статус фараона нельзя было нарушить, и поэтому погребение было столь богатым.

Опыт политического пиара Древнего Египта широко использовался в мировой истории. Можно встретить его модификации в истории всего древнего Востока. Значение политического пиара понимали и древние греки, носители совсем другой политической культуры. Оказавшись на Востоке, Александр Македонский быстро воспринял все обычаи, существовавшие в завоеванной им персидской империи – державы Ахеменидов. После смерти Александра его примеру последовали многие полководцы. Так, Птолемеи, став правителями Египта, постепенно полностью восприняли культ египетских фараонов. Практику политического пиара эллинистических государств широко применяла Византийская империя, в которой были созданы роскошные ритуалы для функционирования как светской, так и религиозной власти. Византия, в свою очередь, стала примером для Ватикана и западноевропейских монархий, а также для московских государей, которые с Ивана III считали себя наследниками византийских императоров, а Москву – «Третьим Римом». Торжественные службы, богатые ритуалы, принятые в католической и православной церквях, являются разновидностью политического пиара, формами управления церковных властей своей паствой.

Древняя Греция дала примеры политического пиара иного рода. Греческие государства, существовавшие в форме полиса, были первой формой республиканских государств. Республиканский полис породил *демагогов* – людей, которые были способны в ходе народного собрания повести за собой большинство. Как правило, демагогами были люди, обладающие даром красноречия, логикой и личным обаянием. Иными словами, здесь главной формой было вербальное общение политиков с политически значимой аудиторией – гражданами полиса, обладавшими правом голоса на народном собрании.

Наиболее авторитетные и успешные политики явно обладали харизмой (от гр. *charisma* – божественный дар, милость бога, наделившего человека исключительными способностями). Харизматики обладали исключительной способностью влиять на других людей. Солон, Фемистокл, Перикл, которые многократно избирались на высшие должности в полисе (Перикл избирался стратегом 13 лет), создавали свою харизму собственными пиар-акциями, порой очень экстравагантными.

Вот, например, история возвышения Солона. Афиняне, утомленные долгой и тяжелой войной с жителями города Мегары из-за острова Саламина, запретили решением народного собрания под страхом смертной казни предлагать гражданам вновь продолжать борьбу

за Саламин. Солон и многие молодые жители Афин считали это решение позорным. Поэтому Солон, распустив слух о своем сумасшествии по всему городу, прибежал на площадь и, изображая из себя сумасшедшего, стал читать очень сильные и красивые стихи, призывавшие к борьбе за остров. Ему удалось завоевать большую толпу слушателей, которая стала требовать отмены прежнего решения. Вскоре, поставив Солона военачальником, афиняне начали и выиграла войну. Все поняли его хитрость и простили. Следует отметить, что Солон мастерски использовал любовь греков к поэзии и их привычку черпать вдохновения из поэм Гомера и других сказителей-рапсодов.

Впоследствии в период кризиса полиса Солон был избран архонтом и провел закон об отмене всех долгов. В результате, все афиняне, ставшие рабами из-за неуплаты в срок долга, получили свободу. Долговое рабство в принципе было объявлено вне закона. Многие были недовольны реформой, но Солон нейтрализовал это недовольство отличной пиар-акцией: перед опубликованием своего закона он дал в долг весьма значительную сумму денег, которых и лишился. Но потеряв деньги, он завоевал доверие. После чего народное собрание поручило Солону разработать весь комплекс законов о новом устройстве полиса.

Весьма эффектную пиар-акцию провел стратег Фемистокл в период греко-персидских войн. Накануне решающего сражения с персидским флотом у острова Саламин (20 сентября 480 г. н. э.) он публично на виду у греков и персов задушил трех персидских вельмож, племянников царя Ксеркса. После этого всех греков от лютой смерти могла спасти только победа, и они ее одержали. Акция Фемистокла создала необходимую психологическую предпосылку для победы, а победа принесла ему харизму.

Средние века также дали массу примеров политического пиара. Весь сценарий, связанный с появлением в ходе Столетней войны Орлеанской Девы (Жанны д'Арк), был направлен на получение политического результата – сплочения и воодушевления французской нации, потерявшей уверенность в себе после ряда поражений от англичан. В этой операции был ряд блестящих пиар-находок. Одной из них стала неожиданная находка Жанны меча Карла Мартелла – знаменитого короля франков, который в VIII в. в битве при Пуатье разгромил арабов, остановив их натиск на Западную Европу.

Средневековый политический пиар был, как правило, эмоциональным, а не рациональным, т. е. воздействовал главным образом на чувства, а не на разум.

Различными технологиями общения блестяще владела католическая церковь. Как правило, эти технологии были направлены на создание харизмы вокруг той или иной фигуры или должности через систему мифов и ритуалов. Так, в период контрреформации католическая церковь решила поднять свой авторитет, согласившись на признание культа многих местных святых как наиболее близких людям. Святая Тереза в Испании, которая ранее могла быть признана колдуньей, стала почитаться как святая. Это была женщина с очень сильной психикой, делала чудеса и воспламеняла веру в окружающих.

Церковь широко использовала стиль барокко для строительства роскошных храмов, способных поразить воображение верующих. Не случайно искусствоведы называют стиль барокко «роскошной рамкой католицизма».

В Новое время в Европе пиар принимает более рациональный характер. Постепенное развитие парламентаризма и политических партий делает востребованными традиции политического пиара античного республиканского полиса. Формируется определенная система методов и приемов, направленных, соответственно, на формирование определенных взглядов и побуждение масс к определенным действиям.

В эпоху буржуазных революций был особый спрос на политических лидеров, обладающих личной харизмой и ораторскими способностями. Именно такими являлись Дантон, Марат, Робеспьер и другие лидеры эпохи Великой французской революции. Все они славились умением обличать противников и привлекать на свою сторону возбужденные массы людей. Такими были и деятели эпохи борьбы американских колоний за независимость от Англии (конец XVIII в.) и эпохи гражданской войны в США (1861–1865).

Утверждению республиканского строя в США, обладавших самой демократической конституцией того времени, способствовало развитие избирательных технологий, которые применялись соперниками в ходе избирательных кампаний на всех уровнях. Именно в США зарождались основы избирательных технологий.

В Западной Европе в связи с развитием грамотности зарождается регулярная периодическая печать, которая служит важным средством письменной пропаганды и агитации.

В Новейшее время импульсом для активного развития политического пиара стала подготовка к первой мировой войне. Вся война также сопровождалась грандиозной пропагандистской кампанией, призванной обелить цели войны и сплотить нации для победы над врагом.

В России в годы первой мировой войны официальный пиар был на низком уровне. Зато уже с 1915 г. в полной мере проводилась кампания по дискредитации правительства, которую с трибуны Думы вели лидеры кадетов и октябристов. Они стремились использовать военные трудности для того, чтобы вырвать у самодержавия важную уступку – правительство, ответственное перед Думой. К концу 1916 г. противостояние легальной либеральной оппозиции и царской власти достигло особой остроты. Лучший «слоган» той эпохи – рефрен речи Милюкова – «Глупость или измена», которую тот произнес с думской трибуны. Обличая деятельность царских министров, Милюков после каждого пункта своих обличений задавал этот риторический вопрос.

Широко применялись и приемы «черного» пиара. Так, императрицу-немку обвиняли в передаче русских военных секретов в Германию и т. п. Следует отметить, что пиар-акции, проводимые оппозицией, были весьма эффективными. Они полностью скомпрометировали царскую чету в глазах российского общества, что стало одной из причин быстрого падения самодержавия в дни Февральской революции 1917 г.

После падения самодержавия в России развернулась невиданная прежде борьба за умы и сердца людей средствами пропаганды и агитации. В этой борьбе активно участвовали не только внутренние, но и внешние силы. Практически все газеты получали косвенные иностранные субсидии, поскольку цена вопроса для всей Европы была колоссальной – дальнейшее участие или неучастие России в мировой войне определяли исход последней.

Классический пример «черного» пиара со стороны Временного правительства – развертывание в «июльские дни» кампании дискредитации Ленина как немецкого шпиона.

Классический пример успешного пиара со стороны большевиков – их простые и понятные лозунги «Земля – крестьянам!», «Мир – народам!», «Власть – Советам!».

Блестящей пиар-акцией стал ленинский Декрет о земле, принятый Вторым съездом Советов рабочих и солдатских депутатов в октябре 1917 г. Ленин в свой главный декрет включил полный текст Сводного крестьянского наказа о земле, подготовленного на базе 242 наказов, присланных крестьянскими сходами на Первый Всероссийский крестьянский съезд. Второй съезд рабочих и солдатских депутатов дружно проголосовал за Декреты о земле и мире, а потом и за правительство большевиков. Интересно отметить, что Ленин публично появился на съезде и огласил свои декреты только после того, как пришло известие об успешном и бескровном штурме Зимнего дворца. Успех этой акции воодушевил большинство делегатов, и появление Ленина было триумфальным.

В эпоху Сталина пиар был несколько иного рода. Некоторые пиар-акции явно испытывали влияния древнеегипетского политического пиара. То образование, которое получил Сталин в духовной семинарии, сказалось на принятии в 1924 г. решения о бальзамировании тела Ленина и погребении его в мавзолее ниже уровня земли. Именно так хоронили многих фараонов, в частности фараона Джосера, чья ступенчатая пирамида явно повлияла на проект создания Мавзолея на Красной площади в Москве. Сам Сталин в послевоенный период, будучи в преклонном возрасте, очень редко появлялся в большой аудитории. Он понимал, что его небольшой рост и вся внешность мало соответствуют тому образу великого вождя, который сложился в обществе, и стремился не разрушать этот образ.

В *Германии* расцвет политического пиара наступил в 1930-е гг. Фашистская партия утвердилась у власти при помощи изощренной технологии общения с массами. Непревзойденным мастером политического пиара был сам Гитлер. Об этом, в частности, говорит такой экстравагантный факт: после выступлений Гитлера сотни молодых женщин рвались к трибуне с криками: «Хочу ребенка от фюрера!». Своеобразной пиар-акцией был поджог рейхстага, который позволил фашистам обвинить в этом коммунистов, запретить сначала компартию, а затем все другие оппозиционные партии в Германии.

В благополучных *США* в период проведения президентских выборов создавался иной тип политических технологий с акцентом на *политическое шоу*. Затем эти технологии распространились на кампании по выборам членов Конгресса и сенаторов. Американский опыт был частично заимствован Западной Европой. Если ранее в Европе избирательные кампании были главным образом *рациональным состязанием* программ и позиций, то уже с 1960-х гг. многие избирательные кампании в западноевропейских странах также строятся как политическое шоу. Однако рациональный характер голосования все-таки преобладает.

В *СССР послесталинского* периода элита мало заботилась о политических технологиях. Харизматичных лидеров среди наследников Сталина не было, потому что Сталин формировал вокруг себя политэлиту особого типа – верных соратников вождя, которые должны были знать свое место и не высовываться. Брежнев и его окружение вышли из

«сталинской шинели». Горбачев был уже политиком иного поколения, и в 1985 г. он сорвал аплодисменты, отказавшись от традиционного облика советского руководителя.

В период *перестройки и гласности* политический пиар оказался востребован, но он долго носил *личностный* характер, т. е. определялся прежде всего индивидуальным чутьем политика, а не усилиями его команды и использованием опыта западных стран. В учебник по политическому пиару в качестве классического примера личностного пиара должен войти ряд кампаний по выборам народных депутатов СССР в 1989 г., прежде всего кампании А. А. Собчака, А. А. Денисова, Ю. Болдырева. Они хорошо характеризуют ту эпоху. Кампания по выборам Б. Н. Ельцина была уже командным мероприятием, хотя и в ней важную роль играла личностная сторона. Впрочем, тогда Ельцина несла на гребень власти не харизма, а беспрюирышная идеологическая позиция: он выступал как решительный борец за социальную справедливость и противник номенклатурных привилегий.

Пример бездарного пиара на закате периода «перестройки» – действия лидеров ГКЧП, которые в критический момент по каналам телевидения – мощнейшим средствам массовой информации и пропаганды – запустили балет «Лебединое озеро», а потом предстали перед зрителями с дрожащими руками.

История постсоветского политического пиара заслуживает отдельного рассмотрения.

V. V. Kalashnikov

POLITICAL PR IN HISTORICAL RETROSPECTIVE

A brief analysis of historical experience in usage of political PR methods is given in the article.

Political PR, historical experience, history of Russia, world history

УДК 37. 036:78

О. В. Лукьянович

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЖАНРА ФОРТЕПИАННОЙ МИНИАТЮРЫ

Рассматриваются критерии определения музыкального жанра. Выявляются специфические особенности жанра музыкальной миниатюры в искусстве. Прослеживается эволюция музыкальной миниатюры в контексте различных исторических эпох.

Музыкальный жанр, фортепианная миниатюра, эпоха романтизма, национальные особенности

Современный уровень музыкальной науки, постоянное обновление знаний о музыкально-историческом процессе вызывают необходимость нового осмысления достаточно известных явлений, вовлечение их в более широкий и целостный контекст представлений, выбора новых, не затронутых ранее ракурсов. До сих пор вопрос о сущности миниатюры как музыкальном жанре остается открытым, не изученным глубоко и основательно, несмотря на то, что вопросы, связанные с разновидностью музыкальных жанров, давно разрабатываются в области музыкознания. Из советских музыковедов плодотворные мысли о сущности жанров и «жанровости» в музыке высказывали Б. Асафьев, А. Альшванг, Л. Мазель, В. Цуккерман, А. Должанский, А. Сохор. Актуальность проблематики определяется

необходимостью уточнения ряда принципиальных положений общей теории жанра, так как последний является содержательным понятием, посредством которого «расшифровываются» художественно-логические процессы, происходящие в музыке. Обширный опыт музыковедения по проблеме жанра не дает однозначности как в его трактовке, так и в существующих жанровых классификациях.

Приведем некоторые существующие в музыковедении точки зрения: жанр выступает как «тип художественной формы» [1, с. 11], «композиционная модель», откристаллизовавшаяся в процессе музыкально-исторического развития [2, с. 79], «отношение родов» искусства [3, с. 22] связан с «содержанием музыки, с тем или иным кругом образов» [4, с. 19], «с породившей его исторической действительностью, с жизнью и бытом» [5, с. 4].

Некоторые музыковеды отказываются от строгой дефиниции жанра, характеризуя его как понятие многозначное и комплексное, определяемое по ряду критериев, среди которых указываются и условия исполнения, и форма, и тип содержания, и исполнительские средства, и практическая функция. Так, по мнению А. Должанского, жанр – это «разновидность музыкальных произведений, часто определяемая по различным признакам (строению, составу исполнителей, характеру, обстоятельствам исполнения и т. п.)» [6, с. 111]. Однако среди признаков жанра исследователями выделяются наиболее значимые жанрообразующие факторы, которые подчиняют себе все остальные¹. Любопытно, что при этом основополагающими оказываются не одни и те же признаки. В. Цуккерман, рассматривая данный вопрос, приходит к выводу, что в основу определения жанра необходимо также положить несколько признаков, однако среди них приоритетным и определяющим музыкальный жанр является *типизированное содержание*. «Жанр есть вид музыкального произведения, которому присущи определенные черты содержания, который связан определенным жизненным назначением и типом исполнения [7, с. 60–61]. Следуя определению В. Цуккермана, можно выделить лирические, эпические и связанные с изображением или организацией движения музыкальные жанры. По мнению автора настоящей статьи, при данной формулировке понятие «жанр» теряет свою специфичность, так как дублирует понятие «род искусства»: лирику, эпос, драму.

Л. Мазель склоняется к выделению *социальных функций* музыкального жанра: «Музыкальные жанры – это роды и виды музыкальных произведений, исторически сложившиеся в связи с определенными жизненными назначениями музыки, в связи с ее различными социальными (в частности, социально-бытовыми, социально-прикладными) функциями и различными условиями исполнения и восприятия музыки». В сноске к этому определению имеется поясняющее дополнение, которое существенно в контексте проблематики данной работы: «Как и понятие стиля, понятие жанра применяется в более широком и более узком значениях: марш – жанр, но торжественный марш – тоже жанр; танец – жанр, но мазурка и вальс – тоже жанры; говорят “жанр фортепианной миниатюры” и, более узко, – “жанр прелюдии” [8, с. 15–16]. Социальная функция, практическое предназначение понятия «жанр» является определяющим в архитектуре, где существует разделение на жилищные, общественно-гражданские и производственные жанры.

---

¹ А. Н. Должанский называет ряд признаков жанрового разделения, но не устанавливает степени их важности для характеристики жанра.

Согласно мнению А. Сохора, в основе понятия и классификации музыкальных жанров лежит прежде всего *обстановка исполнения*: «Жанр в музыке – это вид музыкальных произведений, определяемый прежде всего той обстановкой исполнения, требованиям которой объективно соответствует произведение, а также каким-либо из дополнительных признаков (форма, исполнительские средства, “поэтика”, практическая функция) или их сочетанием» [9, с. 28]. Симптоматично, что обстановка исполнения, как один из определяющих музыкальный жанр факторов, учитывалась и Б. В. Асафьевым [10, с. 5]. Творчество русских композиторов классифицируется музыковедом по «разновидностям» (опера, романс, камерный вокальный ансамбль, хоры, симфоническая музыка, инструментальный концерт, камерная инструментальная музыка), которые по существу и являются жанрами.

По мнению автора данной статьи, понимание и классификация музыкальных жанров, в основу которой положено жизненное назначение музыки, обстановка ее исполнения и восприятия (обоснованная А. Сохором), является наиболее убедительной и правомерной, так как наиболее глубоко и основательно раскрывает специфические особенности и природу музыкального жанра.

Прежде чем сформулировать и обозначить отличительные признаки жанра фортепианной миниатюры, необходимо определить уровень и масштабы интересующего нас понятия.

Понятие «миниатюра» является результатом обобщения весьма пестрого круга жанров, но не проявлением тех или иных «малых» форм, часто определяемых этим термином. Безусловно, понятия «музыкальная форма», понимаемая как структура произведения, и «музыкальный жанр» взаимосвязаны, но зависимость их не однозначна. Одни и те же композиционные структуры (например, трехчастная, рондо, вариации) встречаются в различных жанрах. Большинство сочинений «малых форматов» (например, баллада, скерцо, юмореска, экспромт) могут получить воплощение и в крупных формах. *Следовательно, понятия «миниатюра» и «малая форма» близки, но не тождественны. Они соотносятся как жанр и наиболее соответствующая ему композиционная структура. Данная статья рассматривает миниатюру со стороны жанра, как жанровую группу, представленную целым рядом жанров. Прежде всего, именно организация музыкального времени, а не его продолжительность определяет качество миниатюрности, поскольку крупная форма может длиться меньше чем малая. Эта организация зарождается в процессе темобразования и закрепляется в масштабах композиции целого.*

С целью более глубокого понимания характерных и значимых особенностей жанра миниатюры кратко осветим исторический путь ее кристаллизации, который имеет значительное историческое прошлое.

На заре эпохи инструментализма (XVI–начало XVII вв.) противопоставление «крупная форма – миниатюра» во многом означало: «высокое – бытовое, домашнее», «утонченно профессиональное – доступное, простое». Поскольку масштаб произведения определялся условиями исполнения (местом, целью, количеством музыкантов), то вполне естественно, что первоначальный репертуар клавира, как инструмента домашнего, составили небольшие танцевальные пьесы (паваны, аллеманды, куранты и др.), а также переложения популярных песен. Таким образом, первоначально миниатюрой называли старинные песенно-

танцевальные структуры и бытовую музыку, поскольку в определении элементов жанра главенствовало жизненное предназначение искусства.

В эпоху барокко (XVII–XVIII вв.) музыкальная эволюция в целом стремилась «уйти» от миниатюры. Особенно наглядно процесс укрупнения простых танцевальных форм, завоевание ими большей протяженности представлен в сюитах И. Баха. Лирические образы времен И. Баха существенно отличаются от лирики более поздних эпох, и главным образом, романтической. Выражаемые музыкой эмоциональные состояния трактовались как обобщенные, главный акцент делался на общечеловеческом, значимом, а не на индивидуальном, случайном и неповторимом. Обдуманное целенаправленное воздействие на слушателя, последовательное развитие мысли, ее осмысление до конца не оставляло места для романтической «недосказанности» – во всем этом проявлялось художественное мышление эпохи барокко. Музыкальный образ создавался в процессе внутреннего саморазвития (мысль и ее всестороннее обоснование), а не сиюминутного переживания. Этот процесс нашел яркое выражение в творчестве И. Баха. В его сочинениях эмоциональное состояние стремится к максимальному продлению, развертыванию, совпадающему с непрерывным потоком времени. Поэтому танцы из сюит, прелюдии, фуги композитора не являются миниатюрами в «чистом виде». Миниатюра – это лишь частный случай в кругу сочинений малых форм. Ее отличительной особенностью является не только масштаб, но и внутренняя организация времени, далекая от непрерывности полифонического развития.

Одним из важных направлений в доромантической музыке, культивировавших миниатюру и создавших специфический для нее стиль, было творчество французских клавесинистов (XVII–XVIII вв.). Стремление к камерности у них обуславливалось тесной связью с эстетическими принципами искусства рококо (от фр. *rococo* – декоративный мотив в виде раковины) – утонченного, изысканного, декоративного и не претендующего на особую глубину и масштабность идеи. Музыкальная миниатюра развивалась на этой основе как украшение, приятная «безделушка». Простые танцевальные структуры часто выступали в своем первозданном виде, но достигали высокой художественной отделки. Чрезвычайно важным для французских миниатюристов было тяготение к программности, к образности, сосредоточенность на одном образе, будь то определяющая черта облика (чаще всего женского), портретный набросок, поэтическое явление природы или мифологический персонаж.

У композиторов эпохи классицизма продолжают действовать жанры, исходная суть различия которых в количестве исполнителей, их взаимоотношениях между собой и со слушателями. Эти критерии определяли различия содержания, стиля и композиционной структуры в сочинениях классиков. В творчестве И. Гайдна и В. Моцарта миниатюра была представлена прикладной, главным образом танцевальной музыкой. Для эстетики классицизма малое, частное, индивидуальное представляло интерес лишь в контексте целого и общего, во взаимодействии с ним. При этом внимание к индивидуальному стало более пристальным и острым. Внутри крупных симфонических произведений И. Гайдна, В. Моцарта, Л. Бетховена субъективные мысли, состояния, характеры вычлениваются из общего потока движения, формируя тематизм нового типа, где тема в масштабах всей композиции воспринимается как единый миг, подверженный развитию. «Малое», таким образом, по-

степенно вырабатывало свои собственные формы организации и как часть противопоставлялось целому. Впоследствии старинные песенно-танцевальные структуры, наложенные на классический симфонизм, дали «ростки» нового, наиболее полно раскрывшего себя в музыке композиторов-романтиков. Пьесы Ф. Шуберта, Р. Шумана и Ф. Мендельсона опирались на песню и танец своего времени, но, как писал Д. Житомирский, «на простые композиционные схемы (период, двух- и трехчастные формы) уже в огромной мере влияла достигнутая в девятнадцатом веке тончайшая композиционная культура сонаты» [11, с. 379]. Таким образом, взлет романтической миниатюры был бы невозможен, если бы у венских классиков не откристаллизовались и не достигли совершенства формы изложения единичной развитой и завершенной музыкальной мысли.

Подводя итог длительному этапу формирования жанра, подчеркнем, что в процессе исторического развития содержание миниатюры значительно обогащалось, вырабатывая свои особые структурно-композиционные рамки и характерный комплекс жанровых признаков, т. е. определенную систему средств музыкальной выразительности.

Отмечая закономерную связь эпохи романтизма с развитием жанра миниатюры в музыкальном искусстве, необходимо подчеркнуть, что романтизм явился переворотом в масштабе всей истории искусства: он открыл эру «нетрадиционного художественного мышления», противостоящего многовековой художественной практике. В романтическом мироощущении смещаются акценты в сторону преобладания личного, индивидуального, которые и становятся определяющим критерием облика произведения и стиля. Жанр перестает быть определяющим началом, он подчиняется индивидуальному стилю и сохраняется как выразительное средство, как носитель смысла.

Для романтиков, с их повышенным вниманием к личностному, индивидуальному, жанр лирической миниатюры явился универсальной основой для творческого самовыражения¹. Симптоматично, что первые шаги и значительные достижения романтизма в различных видах искусства связаны именно с этим жанром. Симфония, соната, опера, даже песня существовали и раньше, но фортепианная миниатюра как надбытовое, чисто художественное явление оформилась и расцвела именно благодаря романтизму, сконцентрировав в себе существенные черты мироощущения эпохи. Только в эпоху романтизма миниатюра откристаллизовалась в качестве необходимого элемента совокупной художественной картины мира.

Согласно позиции К. В. Зенкина [12, с. 6–10], именно романтическая миниатюра явилась той сферой, где непосредственное «самовыражение» художника и «игра» как обязательные атрибуты романтического мироощущения наиболее ярко отточили свои образно-интонационные особенности. Придерживаясь теории исследователя, наметим пути воплощения данных форм-атрибутов в жанре инструментальной миниатюры.

Самовыражение – свободный творческий процесс, результатом которого является создание нового сочинения и преодоление романтической личностью изолированности и одиночества. Основной формой самовыражения в музыке романтической эпохи становит-

---

¹ Миниатюра как выражение и оформление лирического состояния связана с утонченным способом мировосприятия, так как эпос требует больших масштабов, а драма – внутренне напряженного и акцентирующего себя процесса.

ся мелодия, которой придается широкое общеэстетическое значение. Мелодия, по словам Р. Вагнера, – «это освобождение бесконечно обусловленной поэтической мысли до глубокого сознания высшей свободы чувства» [13, с. 434–435]. Новое ощущение мелодии в музыке романтиков, новое звучание в ней вокального, песенного, речевого, которое становится символом высказывания, раскрытия глубины человеческой личности, является одной из характерных особенностей инструментальной музыки. Романтическое понимание музыки как откровения художника воплотилось в особой смысловой насыщенности интонирования, результатом которой явилось появление «Песен без слов», баллад, поэм, сказок – без слов, этюдов-картин.

Становлению романтической миниатюры способствовало развитие фортепиано – инструмента, давшего жизнь этому жанру, определившему его облик. Универсальность фортепиано не только в сосредоточении всего звукового пространства в руках одного исполнителя, но еще и в особой, повышенной гибкости звукоизвлечения (неисчерпаемые возможности туше, педализации), приводящей к тембровой универсальности, способности отразить все богатство красок, в том числе и оркестровых. Романтическая миниатюра могла возникнуть не раньше, чем клавишный инструмент обрел обертоново-педальную слитность звучания и стал «петь». Пение инструмента, тембр его «голоса», приближенный к человеческому, органически связаны с возрастающим стремлением к самовыражению романтической личности и с новым ощущением мелодического начала в музыке.

Если самовыражение проявилось и оформилось в пении, в мелодии, в поэтизации, то игра – это, прежде всего, игра на фортепиано (пьесы этюдного и прелюдийного склада). Целый ряд жанров романтической фортепианной миниатюры культивирует фигурационный тип изложения, подчеркивая техническую, «пальцевую» сторону процесса исполнения (например, вариации, этюды). Историческим предшественником таких пьес явилась старинная музыка токкатного типа, в особенности подвижные прелюдии из «Хорошо темперированного клавира».

Композиторы-романтики пришли к новому качеству фигурационного изложения, связанному с внутренними состояниями души, «озвучивающими» ее стремительные порывы или мягкий, нежный трепет (Ф. Мендельсон «Песни без слов», И. Брамс «Интермеццо»). При наличии внешних прообразов (например, у Р. Шумана «Маргарита за прялкой» – прялка, «Прекрасная мельничиха» – ручей и др.) и изобразительной направленности музыки, этюдообразное движение всегда оказывалось подчиненным эмоциональной ситуации. Образ движения, игры оказался близким романтикам и как сфера изменчивости, где нет ничего определенного, устойчивого. Он создавал психологическую базу для двойственного восприятия, внутренне противоречивого мира. В связи с этим важным вопросом становится художественно-образная сторона романтической миниатюры. Единая художественная идея – основа жанра – может воплотиться и не в одном образе; для миниатюры наиболее типично количество одного-двух настроений-моментов, так как при их увеличении возникает ощущение пестроты, множественности, противоречащих самому существу лирического жанра. Однако столь важное для романтиков введение контрастирующего образа не обуславливает драматургического развития, а воспринимается как свободное, непринужденное сопоставление мыслей.

Другая жанрово-интонационная сфера, неразрывно связанная с игрой, – это танец. Здесь игровая природа интонации связана уже не с самим процессом звукоизвлечения (как в фортепианном прелюдировании), а с «памятью жанра о ситуации игры» [12, с. 10]. Симптоматично, что в XIX в. танец, в большей степени вальс, становится одним из излюбленных объектов музыкальной поэтизации. Интересно отметить, что подобная тенденция характерна и для литературного творчества: первый вальс Наташи из «Войны и мира» Л. Н. Толстого, сцена бала из романа Жан-Поля «Озорные годы», послужившая импульсом для шумановских «Бабочек».

Кроме того, еще одной формой внешнего воплощения игры в жанре инструментальной миниатюры является достаточно значимое направление в музыкальном искусстве – пьесы о детях и для детей, например Р. Шуман «Альбом для юношества», П. И. Чайковский «Детский альбом», А. К. Лядов «Маленький вальс» опус 26 и др.

Сущность романтической миниатюры была определена сразу же в момент ее возникновения в названиях шубертовских фортепианных пьес: экспромт и музыкальный момент. Слово «экспромт» (от лат. *expromptus* – готовый, имеющийся под рукой) – символ романтического творческого порыва, непосредственности и свободы в воплощении внезапно пришедших дум и чувств. В определении «музыкального момента» (фр. *moment musical*) назначение миниатюры высвечивается достаточно определенно. Именно непосредственное, сиюминутное выражение эмоционального состояния лежит в основе художественного мира миниатюры в противоположность крупным формам, где взаимодействуют множество явлений.

Относительная фрагментарность, недосказанность романтической миниатюры компенсируется образованием циклов. Высшие достижения жанра связаны с произведениями Р. Шумана («Карнавал»), Ф. Шопена (цикл прелюдий), М. П. Мусоргского («Картинки с выставки») и др. Исторический аналог фортепианным циклам – *ordres* французских клавесинистов, однако внутренней связи между ними нет, так как *ordre* – это «распавшаяся» сюита, а фортепианный цикл XIX в. стремится к объединению. Это новая, типично романтическая форма построения, в которой калейдоскопичность, импровизационность сочетаются со всеобъемлющим видением мира. Важным объединяющим моментом пьес в цикле является близость образно-художественного строя, наличие общих тематических, ритмических, фактурных или других элементов музыкального языка.

В связи с проблемой эпохи музыкального романтизма и фортепианной миниатюры, по мнению авторов, следует выделить еще один аспект – национальный, где особое место отводится русской музыке. Специфичность духовных оснований русской культуры отразилась в совершенно особой судьбе романтизма. Конец XIX в. характеризует русскую музыку как связанную с романтизмом активно, прочно и глубоко. Именно этот период является периодом нарастания романтических качеств в русской музыке: от М. И. Глинки через М. А. Балакирева, Н. А. Римского-Корсакова и П. И. Чайковского к А. К. Лядову, А. Н. Скрябину и С. В. Рахманинову. На протяжении XIX в. русская музыка в качестве высшего основания романтической линии выдвигала идею соборного «мы» в противоположность идеи субъективного «я». Многие существенные стороны романтического мироощущения – развитый и последовательный индивидуализм, повышенная субъективность

творческого сознания получили меньшее претворение в духовной культуре России, чем Европы. Пафос православия, в течение веков являвшийся основанием русской культуры, заключался в ориентации на традицию, на подчинение индивидуального сознания представлениям, выработанным коллективно («соборно»). Как пишет А. В. Михайлов, «... Россия прекрасно знала музыкальный романтизм, увлекалась им, но ведь русские композиторы – другие. Русская музыка в целом стояла на совсем иных основаниях. Она была далека от романтического субъективизма. Можно сказать, что когда русская музыка обрела зрелость, то убежденно встала на почву “мы”, вместо “я”. Критерий истины, лежащий в недрах самой музыки был иным: народ – как единая монолитная сила, то есть “мы”...» [14]. И все же думается, что не стоит столь категорично отделять русский музыкальный романтизм от западного. Ведь если бы русская музыка имела только лишь «совсем иное основание», чем западная, то она и осталась бы совсем иным культурно-историческим пластом в отношении европейской, как, например, китайская или индийская. Скорее, стоит подчеркнуть двухосновность, органический синтез русского и западноевропейского романтического искусства.

Сохранившееся в России в течение первой половины XIX в. прикладное значение камерной музыки (в силу отсутствия развитой и систематической концертной жизни) привело к значительному перевесу танцевальных жанров в русской фортепианной миниатюре, таких как полонезы, вальсы, кадрили. Песня как еще один исток формирования русской инструментальной миниатюры проявилась самым непосредственным образом – в переложениях для фортепиано (А. Гурилева, А. Алябьева).

Формирование разветвленной жанровой системы русской фортепианной миниатюры связано с творчеством И. Ф. Ласковского, разработавшего на русской почве жанры ноктюрна, мазурки, баллады, экспромта. Наполнение русской романтической миниатюры разнообразием жанров, образов и пианистических приемов позволило М. А. Балакиреву в 1910 г. сказать следующее: «Фортепианная музыка, хотя и была затронута Глинкой, но первым русским фортепианным композитором следует признать покойного Ивана Федоровича Ласковского... За Ласковским непосредственно следуем мы, то есть Я, Лядов, Скрябин, Аренский, Глазунов, Щербачев, Рахманинов, Гречанинов и др.» [15].

Русская музыкальная культура второй половины XIX столетия, освоив наследие зрелого европейского романтизма (Р. Шуман, Ф. Шопен, Ф. Лист), одновременно его обобщила и модифицировала. Подчеркнем лишь две основные тенденции, характеризующие развитие романтической фортепианной миниатюры в русской культуре. Первая из них связана с преобладанием самобытного и оригинального композиторского стиля (М. П. Мусоргский, П. И. Чайковский). Вторая основана на стремлении к синтезу как различных школ внутри русской музыки, так и к более тесному сплетению русской и западной традиций (А. К. Глазунов, А. К. Лядов). Именно творчество А. К. Лядова подняло жанр фортепианной миниатюры на новую высоту. По словам Б. В. Асафьева, «он освободил формы и эмоциональный тон фортепианной миниатюры от привкуса бессодержательной и ни к чему не обязывающей *causerie* (говорливости) и перевел эти формы в область серьезной камерной культуры. У него мы наблюдаем впереди всего стремление к установке чисто музыкальных замыслов и к решению музыкально ценных проблем» [10, с. 238].

Список литературы

1. Лейе Т. Е. О музыкальном жанре и различных видах «обобщения через жанр» // Вопросы музыковедения. Вып. 1/ ГМПИ им. Гнесиных. М., 1972.
2. Финкельштейн Э. К вопросу о специфике жанра // Музыка и музыканты Ленинграда. М.–Л.: Сов. композитор, 1972.
3. Соколов О. К проблеме типологии музыкальных жанров // Проблемы музыки XX века. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1977.
4. Головинский Г. Музыкальные знания для всех. Беседа первая // Музыкальная жизнь. 1961. № 2. С. 19.
5. Попова Т. В. О музыкальных жанрах. М.: Знание, 1981.
6. Должанский А. Краткий музыкальный словарь. 4-е изд. Л.: Музыка, 1964.
7. Цуккерман В. Музыкальные жанры и основы музыкальных форм. М.: Музыка, 1964.
8. Мазель Л. Стрoение музыкальных произведений. М.: Музгиз, 1960.
9. Сохор А. Эстетическая природа жанра в музыке. М.: Музыка, 1968.
10. Асафьев Б. В. Русская музыка от начала XIX столетия. М.–Л.: Academia, 1930.
11. Житомирский Д. Роберт Шуман: Очерк жизни и творчества. М.: Музыка, 1964.
12. Зенкин К. В. Фортепианная миниатюра и пути музыкального романтизма / Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда грант № 97-04-16270. М., 1997.
13. Вагнер Р. Опера и драма // Избранные работы/ Пер. с нем. М.: Музгиз, 1978.
14. Михайлов А. В. Романтизм // Музыкальная жизнь. 1991. № 5–6.
15. Саввин Н. А. Переписка М. А. Балакирева // Русская музыкальная газета. 1910. № 41. С. 875.

O. V. Lukianovich

SOME ASPECTS OF THE FORMATION OF THE PIANO MINIATURES GENRE

Criteria of definition of a musical genre are examined. Specific features of the musical miniature genre in art are revealed. Evolution of a musical miniature in a context of various historical epochs is traced.

Musical genre, piano miniature, epoch of romanticism, national features

УДК 316.77

Г. И. Макарова

ПРОБЛЕМА ОСВЕЩЕНИЯ В СМИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ РФ (по материалам Республики Татарстан)

Анализ результатов исследования семантического поля, сконструированного республиканскими печатными СМИ вокруг проблем культурной жизни в РТ, позволяет сделать следующий вывод: масс-медиа отражают принципы этнокультурной политики республики и в целом равномерно освещают культурную и религиозную жизнь народов Татарстана; в то же время, будучи нацеленными на конструирование, в первую очередь, татарской этничности, они чаще этнически маркируют явления, имеющие отношение к культуре титульного этноса.

Масс-медиа, межэтнические отношения, развитие языка, культурная жизнь, религиозная жизнь, культурная политика

В ситуации усиливающейся информатизации общества средства массовой информации (СМИ) являются важнейшим посредником между общественным, политическим или

культурным событием и населением. В связи с этим представляется интересным рассмотреть, каким образом масс-медиа формируют представления о различных явлениях и процессах, протекающих в социокультурной сфере. Подобное исследование является особенно актуальным в контексте полиэтничного общества, когда СМИ способны маркировать те или иные события как принадлежащие к определенной этнонациональной культуре. В данной статье представлены результаты исследования семантического поля, сконструированного республиканскими печатными СМИ вокруг освещения культурной жизни и межнациональных отношений в Республике Татарстан¹.

Для анализа были отобраны материалы трех массовых русскоязычных печатных изданий и телепрограммы о культуре. Для того чтобы определить направление реализуемой посредством СМИ культурной политики, основу выборки составили государственные масс-медиа: газеты «Республика Татарстан», «Казанские ведомости», информационная программа «Татарстан» и передачи о культуре двух государственных телеканалов ГТРК «Татарстан» и «Татарстан – Новый век» (ТНВ). Информационная стратегия этих СМИ проанализирована в сравнении с деятельностью масс-медиа, не зависящих от государственных структур (газета «Вечерняя Казань», программа «Зрительный зал» частной телекомпании «Эфир»).

За период с 1 июля 2002 г. по 31 июня 2003 г. число публикаций трех газет и сообщений информационной телепрограммы «Татарстан», посвященных культурной жизни и межнациональным отношениям в РТ, составило 1306. В качестве основных семантических областей в исследуемом медиа-дискурсе выделены следующие темы: 1) положение этнических групп (7 % всех материалов); 2) языковое развитие (3,8 %); 3) проблема реализации культурной политики (1,9 %); 4) религиозная жизнь (13 %); 5) информация о культурной жизни в РТ (66,3 %); информация о культурной жизни за пределами РТ (11,5 %). Важно отметить, что первые три из выделенных тем в большинстве случаев (от 56 до 80 %) освещаются в проблемном ключе, тогда как вопросы религиозной и культурной жизни чаще подаются в СМИ РТ в чисто информативном плане (70–90 %). Причем большинство (62,6 %) сообщений на темы положения народов РТ и их языков фокусируется вокруг развития титульного этноса республики. В качестве же основных проблемных областей при этом обозначаются следующие:

– национальная политика РФ, реализуемая посредством переписи населения («раздробление» татарского этноса в переписных листах, отсутствие возможности обозначить татарский язык как родной), изменений законодательства о языках народов РФ (запрещающих оформленный в 1999 г. переход письменности татарского языка на латиницу), системы образования (когда в учебных программах воспроизводится негативный стереотип татарского этноса и не уделяется значимого внимания истории татарского края);

– сложности татаро-башкирских отношений, когда «символьная элита» татарского народа конструирует проблему насильственной башкиризации татар в Республике Башкортостан;

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Влияние культурной политики на социальное самочувствие русских в национальных республиках Российской Федерации (пример Республики Татарстан)», поддержанного Фондом Дж. и К. Макартуров (код проекта: № 02-73289-000-GSS).

– развитие культуры и языка в татарских диаспорах.

Проблемы русского населения республики редко становились предметом медиа-сообщений – всего 4,4 % среди материалов о положении этнических групп. Информирование о проблемах русских произошло в СМИ в ходе освещения встречи Президента РТ с представителями русских национальных обществ и движений, в рамках которой обсуждались вопросы организации русских гимназий, увеличения возможностей представительства русских во власти. Тема русского языка возникала на страницах газет по большей мере в связи с проблемами культуры русской речи.

Религиозная жизнь Татарстана освещается информативно в двух из трех сообщений СМИ РТ на эту тему: в сообщениях о религиозных обрядах и праздниках, строительстве новых храмов и т. д. При этом необходимо отметить, что важным элементом стратегии освещения данной тематики, реализуемой государственными печатными изданиями, является перевес в сторону освещения событий православной жизни: информация на эту тему составляет 56 % публикаций правительственной газеты «Республика Татарстан» и 46 % печатного органа горсовета столицы республики «Казанские ведомости». Журналисты телепрограммы «Татарстан» и независимого издания «Вечерняя Казань» освещали деятельность двух основных конфессий РТ в равной степени.

В качестве проблемных публикаций и телесообщений о религиозной жизни выявлены материалы: 1) о проблемах восстановления культовых сооружений (в первую очередь православных); 2) об усиливающейся, в контексте террористических актов, исламофобии в обществе; 3) о праве мусульманок фотографироваться на паспорт в платках; 4) о конфликте вокруг строительства в Набережных Челнах храма святой великомученицы Татианы.

Характерная для любой региональной медиа-системы тенденция освещать местные явления и события проявляется в том, что подавляющее большинство газетных и телесообщений посвящено рассмотрению динамики культурной жизни в республике, причем здесь отражается все многообразие культурной жизни РТ. Особенности же тематических предпочтений того или иного издания характеризуют их культурные стратегии. Так, газета «Республика Татарстан» нацелена прежде всего на освещение «высокой» и традиционной культуры. Более же демократические издания – «Вечерняя Казань» и «Казанские ведомости» – чаще освещают события популярной культуры (выступления джазовых и рок-коллективов, фестивали эстрадного искусства), моды и цирковые представления.

Анализ сетки вещания телеканалов подтвердил тезис о просветительской направленности информационной стратегии государственных электронных СМИ. Так, на телеканалах ГТРК «Татарстан» и ТНВ, получающих субсидии от государства, создаются историко-просветительские циклы передач о культурном наследии республики, телефильмы о праздниках и обрядах народов РТ, транслируются классические и джазовые концерты, освещаются важнейшие события оперного и балетного искусства. На этих телеканалах в специальных программах находит отражение и религиозная жизнь общества. Однако необходимо отметить, что развлекательные передачи двух государственных телеканалов адресованы, в первую очередь, татароязычному зрителю: большую долю эфирного времени занимает татарская эстрада, спектакли на татарском языке. Тем не менее, в последнее время тематика татароязычных телепрограмм расширяется: если раньше они в основном

были посвящены культуре титульного этноса, то в настоящее время создаются и транслируются телепрограммы, информирующие на татарском языке о событиях русской культуры. Кроме того, на телеканале ГРТК «Татарстан» в начале 2003 г. создана телепередача «Наедине со всеми», непосредственно транслирующая принципы этнокультурной политики РТ. Информирова аудиторию о традициях народов, населяющих Татарстан, эта программа в качестве основы своей идеологической стратегии предполагает распространение идей толерантности, веротерпимости и межэтнического согласия.

Коммерческие телекомпании, в отличие от государственных, в качестве целевой аудитории предполагают русскоязычное население республики. Это связано с тем, что территория их вещания включает в основном городские поселения, в первую очередь г. Казань, где русский язык занимает доминирующее положение. Коммерческое телевидение нацелено на создание информационных и развлекательных телепрограмм, просветительская функция ограничена информированием о культурной жизни в программах новостей. Единичные же передачи о культуре становятся фоном для рекламы товаров и услуг, латентно продвигающим в сознание аудитории идеологию престижного потребления.

Сложным для ответа является вопрос о том, в каких соотношениях представлены в СМИ РТ различные этнокультуры. Обычно в ходе исследований текстов медиа-сообщений их категоризация и отнесение информации к определенному типу происходят на основе исследовательских установок. Однако при таком подходе не учитывается, что журналисты в сообщениях о культуре зачастую воспроизводят обыденные, повседневные представления об этничности. В данном исследовании в фокусе анализа оказался процесс журналистского определения событий и личностей как принадлежащих к этнокультуре.

Исследования показали, что в каждом третьем сообщении, посвященном татарстанской культурной жизни, происходит семантическое отнесение события или явления к культуре того или иного народа. Причем именно в силу такого рода их этнического маркирования, доля информации о «татарской культуре» внешне кажется большей, чем о культуре «русской» или других народов, населяющих республику. Следует также отметить, что наиболее часто такого рода этническая маркировка осуществляется по отношению к сообщениям о традиционной культуре и о культурном наследии. Менее всего подвергнута определениям в этнических категориях информация о современной классической музыкальной культуре, джазе, цирковом искусстве, живописи, скульптуре и архитектуре.

Интересен также механизм этнического маркирования культурных событий. В случае вербальных искусств журналистами в качестве наиболее очевидного маркера используются языковые отличия. В то же время механизм отнесения к татарской культуре достижений изобразительных искусств (наблюдающегося в каждом пятом сообщении на эту тему) включает в себя актуализацию либо этнического происхождения того или иного художника, либо тематики его работ, концентрирующейся вокруг истории и быта татар. Способ маркирования события как соответствующего определенной культуре зависит от канала передачи информации. Так, если в случае прессы идентификация происходит лингвистически в процессе называния в тексте культурного явления «татарским», «русским» или др., то телевидение предоставляет еще и визуальное символическое обозначение.

Однако сам факт того, что в медиа-текстах события культуры чаще обозначаются как «татарские», не означает отсутствия доступа к культурной жизни у людей «нетитульной» национальности. Это свидетельствует лишь о том, что медиа-сообщество, информируя о культурной жизни, нацелено на конструирование, в первую очередь, татарской этничности. Причем в случае идентификации культурного явления с русской культурой оказывается необходимым больший спектр этнических маркеров, поскольку само использование русского языка или принадлежность к русскому этносу создателя события не достаточны.

Таким образом, в ходе анализа созданных и транслируемых региональными СМИ сообщений о культуре и межэтнических отношениях было выявлено, что масс-медиа, в первую очередь государственные, в целом нацелены на равное освещение культурной и религиозной жизни народов Татарстана, а государственные СМИ стремятся, помимо информирования и развлечения аудитории, осуществлять еще и просветительскую деятельность. В связи с тем, что при информировании о событиях культурной жизни чаще осуществляется этническое маркирование явлений и произведений, имеющих отношение к татарской культуре, нежели к другим этнокультурам, республиканские исследователи нередко приходят к выводу о преобладании в СМИ РТ информации о татарской культуре.

G. I. Makarova

THE PROBLEM OF ILLUMINATING OF CULTURAL LIFE AND CROSS-ETHNIC RELATIONS IN NATIONAL REPUBLICS OF RF IN MASS-MEDIA (THROUGH MATERIALS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

The analysis of the research results of the semantic field constructed by the republic's press mass-media around the problems of cultural life in RT allows to make the following conclusion: mass-media reflect the principles of the ethnocultural policy of the republic and on the whole equally deal with cultural and religious life of the peoples of Tatarstan; at the same time, being aimed at the designing, first of all, of Tatar ethnicity, they more often mark ethnically the phenomena related to the culture of the title ethnic group.

Mass media, cross-ethnic relations, language development, cultural life, religious life, cultural policy

УДК 159: 37.01

Г. Г. Броневицкий

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВОЕННО-МОРСКОЙ ПСИХОПЕДАГОГИКИ

Рассматривается проблема обучения и воспитания военного моряка с точки зрения психопедагогики – нового научного направления, находящегося на стыке психологии и педагогики. Раскрываются закономерности и принципы военно-морской психопедагогики.

Психология, педагогика, психопедагогика

Развитие человеческого общества напрямую зависит от передачи социального опыта новым поколениям. Происходит это в процессе обучения и воспитания человека. Чтобы быть успешным, как один из видов практической деятельности человека, этот процесс должен отвечать объективным законам – приобретения знаний и психического развития. Принципиальная особенность и трудность педагогической деятельности заключаются в том, что объективные законы психического развития изучены, мягко говоря, весьма относительно. Поэтому работа педагога представляет собой созидательный процесс, родственной по своей сущности труду ученого, артиста, художника, режиссера и других представителей творческой интеллигенции. Несмотря на то, что на сегодняшний день существует ряд дидактических и методических систем, которые приводят к хорошим результатам в обучении, до сих пор у преподавателей схожих специальностей нет ни ясности, ни согласия в отношении содержания обучения по специальности, методик преподавания изучаемых дисциплин, эффективности методических приемов преподавания и т. п.

Все перечисленное в полной мере относится и к теории воинского обучения и воспитания. Военно-морская психопедагогика в процессе своего развития, как и любая другая область научного знания, выявляет взаимосвязь и взаимообусловленность объективной действительности и образующих объектов, входящих в зону ее интересов. При этом основное внимание уделяется устойчивым, повторяющимся связям (отношениям) и законам (закономерностям).

Трудность познания закономерностей формирования личности военного моряка в процессе боевой подготовки обусловлена субъективной природой этого процесса. Практически он построен по принципу «черного ящика», когда четко известно, что имеется на входе и на выходе, а внутреннее состояние субъекта (развитие психики человека в процессе его обучения и воспитания) далеко не всегда доступно стороннему наблюдению. При этом очень сложно четко разграничить онтологический и гносеологический аспекты изучения развития психики в учебно-воспитательном процессе. Сложность изучения этого процесса обуславливается также его вариативностью, изменчивостью, зависимостью от большого количества внешних связей (отношений).

В своей деятельности военно-морская психопедагогика опирается на законы психологии и педагогики. Законы психологии относятся к разным уровням психического и раскрывают разные его измерения. В самом общем виде их можно сгруппировать следующим образом [1, с. 111–114]:

- Законы, характеризующие относительно элементарные зависимости (основной психофизиологический закон; законы обнаружения, различения, идентификации и опознания сигналов; формирования ассоциаций и др.).
- Законы, раскрывающие динамику психических процессов во времени (например, закономерная последовательность фаз восприятия).
- Законы, характеризующие структуру психических явлений (представления о памяти), и законы, раскрывающие механизмы их формирования (формирования установки, творчества, системогенеза деятельности и пр.).
- Законы зависимости поведения (деятельности) от уровня ее психической регуляции и от значения того или иного измерения (график зависимости между уровнем мотивации и успешностью решения поведенческих задач), законы, характеризующие уровни работоспособности, стрессовых состояний.
- Законы психического развития человека (например, гетерохромного развития психических функций) и закономерная последовательность стадий развития интеллекта (сенсомоторная, предоперациональная, конкретно-операциональная и формально-операциональная по Пиаже).
- Законы, раскрывающие основания различных психических свойств человека (например, исследования нейродинамических основ темперамента).
- Закономерные отношения между различными уровнями организации психических процессов и свойств.

Раскрывая закономерные связи (отношения) на различных уровнях психического, законы психологии служат основой для определения возможностей психопедагогики при формировании личности военного моряка. В учебно-воспитательном процессе они функционируют совместно с законами педагогики, которые исходят из следующего:

1. Сущностью учебно-воспитательного процесса является обязательное присвоение подрастающим поколением социального опыта старших поколений.
2. Содержание, формы, методы образования, обучения и воспитания находятся в обязательном соответствии требованиям развития производственных сил общества, его духовной, социальной и культурной жизни.
3. Содержание учебно-воспитательного процесса обусловлено производственными отношениями и соответствующими им идеологической, правовой, культурной и моральной надстройками.
4. Эффективность воспитательных воздействий усиливается при взаимодействии учебно-воспитательного процесса с жизненными ситуациями, событиями, фактами.
5. Развитие природных и духовных сил личности происходит гармонично с учетом возрастных особенностей.

6. Умелое использование повседневных отношений и жизненных фактов, не относящихся непосредственно к учебно-воспитательному процессу, оказывает существенное воспитательное воздействие (закон параллельного педагогического воздействия).

7. Огромное значение для результативности обучения и воспитания имеет характер жизнедеятельности людей: жизнь образует, формирует, воспитывает [2, с. 220–322], [3].

Формирование личности военного моряка в процессе боевой подготовки флота имеет существенные особенности, обусловленные, прежде всего, коренным отличием психологии человека, проходящего службу на боевом корабле (особенно подводника), от психологии «сухопутного» военнослужащего. Морская среда вообще чужда для человека. И любой выход корабля в море накладывает определенный отпечаток на психику военного моряка. Кроме того, современный корабль буквально «напичкан» сложнейшей техникой и очень сложен в эксплуатации, что оказывает дополнительную нагрузку на психику моряка.

В деятельности корабельного офицера, кроме того, трудно, а зачастую и невозможно разделить психологические и педагогические знания, умения и навыки. Причем, несмотря на то, что системообразующей в ней является учебно-познавательная деятельность моряка, но реализуется она через организаторскую и управляющую деятельность офицера. Поэтому, базирясь на фундаментальных положениях педагогики и психологии, военно-морская психопедагогика развивается на собственных закономерностях, основными из которых являются:

- *Деятельностная основа учебно-воспитательного процесса.* Существующая до настоящего времени эмпирико-сенсуалистическая технология проведения занятий основана на преподавании учебного материала в готовом виде. Обучающемуся остается его усвоить и применить на практике. Между тем, уже в основном принципе воинского обучения – учить войска тому, что необходимо на войне, – заложена деятельностная основа. И эта же установка декларируется во всех учебниках, учебных пособиях, наставлениях, директивах и приказах по обучению и воспитанию военнослужащих. Деятельностная система обучения и воспитания личного состава обусловлена закономерностями общественного развития, научно-техническим прогрессом, возрастанием роли человеческого фактора в производительной деятельности вообще и на воинской службе в особенности. В этих условиях меняется характер решаемых человеком задач, что, в свою очередь, требует новых способов ориентирования в предметном мире, влечет за собой изменения в доминантах мышления, воображения, памяти. В учебном процессе эти требования проявляются в разработке и реализации новых способов изучения и усвоения учебного материала, формирования знаний, умений и навыков; систематическом совершенствовании содержания, форм, методов не только преподавания, но и организации учебного процесса.

- *Системность учебно-воспитательного процесса, обусловленная его многоплановостью и многозадачностью.* Как закономерность психопедагогики системность основывается на системном мышлении, развитие которого востребовано современными системами теоретической и практической деятельности командиров кораблей и корабельных подразделений. «В науке и общественной практике, – подчеркивает З. А. Решетова, – происходит осмысление системности мира в качестве особого его измерения и, соответственно, новая ориентация способов организации познавательной и преобразовательной деятельности» [4, с. 60]. В процессе корабельной службы эта закономерность проявляется в содержании

всех положений, инструкций и наставлений, регламентирующих практическую деятельность каждого члена экипажа, включенного в жесткую и безусловную систему повседневной, учебной и боевой организации корабля, определяемую боевыми и повседневными корабельными расписаниями. В повседневной жизни и боевой деятельности эта закономерность проявляется в единстве и социальной сплоченности корабельного экипажа.

● *Личностная направленность процесса боевой подготовки в корабельном подразделении.* В главе «Воспитательная работа на корабле» корабельного устава указывается, что «воспитание личного состава является приоритетным видом служебной деятельности каждого командира (начальника). Командиры (начальники) обязаны ежедневно заниматься государственно-патриотическим, воинским, нравственным, правовым, экономическим, эстетическим, физическим, экологическим и другими видами воспитания...» [5, с. 39–40]. Личностная направленность обучения и воспитания корабельных специалистов обусловлена сущностью служебной деятельности военного моряка. На корабле нет места для пассажира: каждый член экипажа на своем боевом посту, у каждого свои, одинаково важные для корабля, конкретные обязанности. Но подготовка каждого специалиста, его знания, умения, навыки и особенно личностные качества и свойства – особенные, неповторимые, индивидуальные. Поэтому командир подразделения должен обучать и воспитывать подчиненных с учетом этой неповторимости и индивидуальности. Отсюда – важность одиночной подготовки корабельного специалиста.

Однако по формам проведения одиночная подготовка на корабле чаще всего осуществляется в ходе совместных действий на боевых постах и командных пунктах. Поэтому командир подразделения организывает и осуществляет одиночную подготовку моряков в процессе выполнения общекорабельных мероприятий, предусмотренных распорядком дня (от проворачивания до учебных занятий) в составе своего подразделения. Тем самым одиночная подготовка корабельных специалистов, являясь составной частью совместных учебных или практических действий в составе боевого поста (отделения, команды, расчета, боевой части), как бы «поглощается» общей деятельностью экипажа и заявляет о себе лишь в случаях ошибочных или неквалифицированных действий отдельного специалиста, которые, как правило, имеют заметные неблагоприятные последствия. Практически в ходе боевой подготовки на корабле зачастую происходит своеобразное ее «обезличивание», которое особенно заметно в процессе воспитания.

● *Социально-психологическая обусловленность обучения и воспитания личного состава.* В соответствии с законами педагогики эффективность усвоения учебного материала, а следовательно, и результативность обучения во многом зависят от социально-психологической характеристики учебной организации и окружающей среды. Прежде всего эта зависимость проявляется в формировании отношения обучающихся к содержанию, направленности и практической значимости приобретаемых знаний, умений и навыков. В то же время, поскольку обучение неизбежно взаимодействует с конкретными жизненными ситуациями, набирает силу тенденция к усилению воспитательного воздействия формирующегося отношения к учебе. А в связи с тем, что это взаимодействие осуществляется не только целенаправленно, но и стихийно, его воздействие на учебный процесс может быть как положительным, так и отрицательным. Более того, влияние той или иной

социально-психологической ситуации на конкретный учебный процесс не зависит от ее отношения к нему. Часто на обучение влияют социально-психологические явления, не имеющие к нему никакого отношения. В этом случае взаимодействие осуществляется по так называемому закону параллельного педагогического воздействия.

Как закономерность психопедагогики социально-психологическая обусловленность обучения и воспитания в условиях корабельной службы проявляется более однозначно и целенаправленно, чем в других воинских коллективах. «Оружие корабля – оружие коллективное, и это порождает психологическую особенность боевой деятельности военных моряков. Ее просто невозможно представить в виде каких-то изолированных психологических реакций. Она всегда теснейшим образом связана с социально-психологическими явлениями в экипаже, с реакциями на поведение окружающих. В решении поставленной кораблю задачи суммируются усилия всех членов экипажа. Тут все делится поровну: и радость победы, и опасности, и трудности, а на подводной лодке – и глоток свежего воздуха. Корабль побеждает коллективом» [6, с. 290–291]. В этих условиях любая социально-психологическая ситуация практически моментально становится известной всему личному составу и, независимо от ее содержания и направленности, оказывает воздействие на отношения, действия и поступки моряков. Поэтому на корабле закон параллельного педагогического воздействия приобретает особое значение в силу одинаковых для всех социально-психологических условий служебной деятельности и повседневного быта. На корабле необходимо учитывать воздействие даже таких жизненных ситуаций, которые существуют лишь в различного рода преданиях, социальных установках, привычках, особенно в традициях.

- *Соответствие содержания, форм и методов обучения и воспитания условиям учебно-боевой деятельности личного состава.* Любой корабль как боевая система выполняет возложенные на него задачи только при подготовленном экипаже. Поэтому воспитание и обучение личного состава в процессе боевой подготовки осуществляется планомерно и непрерывно, оно начинается с формирования экипажа и никогда не заканчивается. Где бы корабль ни находился – у пирса или в длительном плавании, – всегда и везде корабельные специалисты не только выполняют свои конкретные служебные обязанности, но и учатся: осваивают на практике приобретенные ранее теоретические знания, накапливают необходимый опыт в управлении боевой техникой и оружием. Занятия по специальности и общей подготовке, подготовка по борьбе за живучесть, тренировки на боевых постах, практическая отработка по всем корабельным расписаниям, упражнения, частные и общие боевые учения – далеко не полный перечень форм и методов учебно-воспитательного процесса на корабле. При этом основная психолого-педагогическая проблема заключается в выборе таких форм и методов обучения и воспитания моряков, которые соответствуют условиям учебно-боевой деятельности экипажа.

- *Направленность обучения в системе боевой подготовки на формирование боевого мастерства корабельных специалистов и подразделений.* Высокая практическая выучка военных моряков проявляется в их боевом мастерстве. В психологическом плане оно «выражается в наличии требуемых боевой готовностью и условиями современной войны навыков, умений, развитых профессионально-боевых психологических качеств и профессиональных привычек по тактическим, специальным и общим вопросам» [6, с. 184].

Закономерности военно-морской психопедагогике, базируясь на законах психологии и педагогики, в свою очередь, обуславливают теоретическое обобщение педагогической практики на кораблях и в частях флота, опыта воспитательной деятельности корабельных офицеров ~ принципы обучения личного состава. В общем случае это принципы научности, преемственности, доступности, активности в обучении, сознательности.

1. Принцип научности определяет требования к содержанию обучения. В соответствии с ним, для обеспечения формирования личности моряка через его учебно-познавательную деятельность в процессе боевой подготовки, компоненты этой системы (организация, цели, содержание, принципы обучения, методы и т. п.) должны основываться не просто на совокупности знаний о предмете, но и на деятельности, в процессе которой он познается и преобразуется (средства, методы и процедуры, открывающие и преобразующие свойства, связи и формы существования предмета данной научной дисциплины). При этом происходит переориентация учебно-воспитательного процесса с простого приобретения «готовых» знаний на формирование деятельности, порождающей эти знания, на «усвоение современного способа мышления как основы производства знаний и умений, развития интеллектуальных способностей» [4, с. 39].

2. Принцип преемственности предполагает последовательное усвоение учебного материала на каждом периоде обучения с учетом уже изученного и того, что предстоит освоить. В традиционной системе обучения он обуславливает суммарное накопление различных знаний. При деятельностном подходе процесс познания определяется логикой используемых средств и методами исследования, открывающими познавательное содержание объекта изучения на каждом уровне познания. А системность в исследовании объекта направляет познание от эмпирического выделения изучаемого предмета к анализу его элементов как развитой системы, их связей и структуры. При этом формируется не только знание о предмете, но и методы мышления.

3. Принцип доступности предполагает организацию познавательной деятельности в соответствии с предметным содержанием учебного материала. Если не привязывать деятельность обучаемого к имеющемуся уровню его развития, а ориентировать ее на достижение более высокого уровня в соответствии с содержанием учебного материала, то в процессе обучения происходит прогрессивное развитие личности обучаемого. При этом необходимо учитывать, что поскольку «процесс усвоения ~ это не только возможность выполнить деятельность в уме, но и процесс содержательного ее формирования, новых способов организации познавательной деятельности» [4, с. 47], то при такой реализации принципа доступности облегчается преодоление стереотипов мышления, сформированных у молодого человека до его призыва на военную службу.

4. Принцип активности в обучении подразумевает необходимость формирования у моряка потребности в познавательной деятельности по решению учебно-боевых задач. Командиру необходимо так организовать эту деятельность, чтобы подчиненный, уяснив суть проблемы и усвоив пути ее решения, на основе самостоятельного анализа внутренних отношений объекта, связей известных и неизвестных фактов смог определить пути достижения познавательной цели. Необходимо отметить, что сам корабль как сложнейшая комплексная система вооружения и условия корабельной службы обуславливают про-

блемную ситуацию как мощнейший механизм активизации учебно-познавательной деятельности военного моряка. Но при этом нужно помнить, что, как показывает опыт боевой подготовки, непонимание задачи ведет к угасанию активности, снижению потребности в решении поставленной задачи. Причем нерешаемая проблема означает лишь неумение моряка раскрыть связи и отношения объекта, увидеть проблему целиком.

5. Принцип сознательности предполагает осмысленное усвоение знаний. Для этого моряк должен быть сознательным субъектом своей деятельности, должен понимать специфику своей деятельности, осознавать значение ее способов и средств для качественного формирования знаний и умений. Поэтому при организации боевой подготовки в подразделении командиру необходимо обратить особое внимание на разработку программы формирования теоретического мышления подчиненных. Офицер сможет реализовать в процессе боевой подготовки принцип сознательности только в том случае, если у его подчиненного сформирована система категорий, выделяющих деятельность как объективную реальность (цель ~ предмет ~ средства ~ способ ~ результат), т. е. принцип сознательности в обучении означает, что обучающийся понимает что он изучает, для чего, какова цель изучения, какими средствами она достигается и какими понятийными средствами описывается система знаний о предмете и деятельность, в процессе которой эти знания усваиваются.

Перечисленные принципы обучения во многом обусловлены основным требованием, предъявляемым к воинскому обучению: учить войска тому, что необходимо на войне. В соответствии с ним процесс боевой подготовки должен быть в максимально возможной степени приближен к боевым условиям, чтобы личный состав почувствовал обстановку реального боя, действовал с полным напряжением сил в условиях опасности и риска. Поэтому на занятиях и учениях нельзя допускать упрощений и послаблений, условностей субъективного характера. Именно поэтому военно-морская психопедагогика имеет деятельностный характер и в качестве основного методологического положения в организации учебно-воспитательного процесса в подразделении использует системный подход.

Список литературы

1. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1999.
2. Энциклопедия профессионального образования / Под ред. С.Я. Батышева. М.: Высш. шк., 1999. Т. 3.
3. Батышев С. Я. Научная организация учебно-воспитательного процесса. М.: Высш. шк., 1980.
4. Формирование системного мышления в обучении: Учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. З. А. Решетовой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
5. Корабельный устав военно-морского флота. М.: Воениздат, 2002.
6. Броневицкий Г. А., Зуев Ю. П., Столяренко А. М. Основы военно-морской психологии. М.: Воениздат, 1977.

G. G. Bronevitskiy

APPROPRIATENESS OF NAVAL PSYCHOPEDAGOGICS

The problems of teaching and educating a military seaman in the context of psychopedagogics, which represents the new scientific trend developing at the interface of psychology and pedagogics, are reviewed. The appropriateness and principles of naval psycho-pedagogics are briefly reviewed.

Psychology, pedagogic, psychopedagogic

УДК 008: 063

В. Н. Гаркуша

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

В рамках концепции интегрированных коммуникаций исследуется и анализируется необходимость использования систем управления проектами и более глубокого изучения научного менеджмента специалистами по связям с общественностью.

Интегрированные коммуникации, проект, система управления проектом, организация, связи с общественностью, менеджмент

Связи с общественностью как наука и профессия в настоящее время в России уже перестали быть новым явлением, а вошли в зрелую стадию развития, которая характеризуется, в частности, появлением концепции интегрированных коммуникаций, в настоящее время являющейся основным научным направлением кафедры «Связи с общественностью» (СО) СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Даная концепция подразумевает объединение менеджмента, маркетинга и рекламы под руководящей ролью связей с общественностью. При этом возникает необходимость более глубокого изучения указанных дисциплин, особенно менеджмента. Об этом также свидетельствуют опросы дипломированных выпускников кафедры, которых в настоящее время более 250 человек (5 выпусков) и сфера трудоустройства которых очень широка.

Анализ карьерного роста выпускников кафедры СО показывает, что многие студенты, окончившие СПбГЭТУ, продолжают свое обучение в различных структурах, в том числе и в школах менеджмента, с целью получения степени магистра делового администрирования (МВА). Например, около 10 человек успешно закончили Международную школу менеджмента «ЛЭТИ-Лованиум». Это связано с тем, что среди многих определений и понятий связей с общественностью – доминирующим является представление их как управленческой функции или функции менеджмента в налаживании отношений с общественностью. Поэтому в идеале место специалиста по СО видится в составе топ-менеджмента компании в качестве человека, принимающего управленческие решения. В качестве выпускной работы в школах МВА принято сдавать проект [1]. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Ранее под проектом в основном понимали комплект конструкторских документов, описывающих сооружение или изделие. В настоящее время понятие проекта расширено, и под ним понимают комплекс мероприятий, в результате реализации которого к заданному сроку должна быть достигнута некоторая система обладающих определенной уникальностью взаимосвязанных целей при ограниченных ресурсах [2]. Любой проект имеет конечную длительность и уникальность результатов. Разработкой теории проектов занимается научный менеджмент, основы которого были заложены в начале XX века в США.

Любая фирма, успешно работающая на рынке, должна обеспечивать стратегическое, оперативное и текущее управление своей деятельностью. Особенностью современного этапа экономики является отказ от концепции «среднего» потребителя, конкуренция идет в основном за счет повышения качества услуг и изделий, и возможны частые изменения производства. Бизнес живет не объемными показателями, а целевыми.

Каждый проект имеет свой жизненный цикл:

- формирование целей проекта;
- маркетинг;
- разработка финансового плана и поиск инвесторов;
- формирование благоприятного общественного мнения (PR-деятельность);
- проектные работы;
- собственно производство;
- сбыт и реализация продукции или услуг;
- послепродажное обслуживание.

Таким образом, видно, что на многих стадиях жизненного цикла проекта возникает потребность в услугах специалистов по связям с общественностью, многие из которых вправе считать себя менеджерами проектов. Процессы управления проектами включают этапы инициализации, планирования, выполнения и управления, анализа и завершения. Каждая из указанных групп может быть разложена на основные и вспомогательные процессы.

Можно сделать вывод, что управление проектами включает много трудоемких, однообразных, формальных, рутинных процедур, направленных на реализацию графика проекта, и здесь кроме квалифицированного персонала требуется и специализированное программное обеспечение – системы управления проектами (СУП), широко известным представителем которых является программа MS Project. Назначение СУП следующее:

1. Разработка графиков реализации проектов.
2. Отслеживание хода и выполнения работ.
3. Анализ хода выполнения работ в сопоставлении с затратами.
4. Прогнозирование показателей завершения проекта.

Для любой СУП характерно следующее: основные элементы проекта – работы, ресурсы, назначения; модель реализации проекта – график; иерархическая структура работ; в качестве ресурсов могут выступать время, финансовые средства и материалы; СУП имеет встроенную базу данных с полями: описание работ проекта, описание взаимосвязи работ, назначение ресурсов работам, календарное расписание проекта. Пользователь сам может формировать поля.

В качестве основной методики вычисления основных показателей графика проекта используется метод критического пути – основа методов сетевого планирования и управления [3]. Под методом критического пути понимают совокупность методик и формул сетевого планирования и управления, обеспечивающих автоматическое вычисление резервов времени для всех работ графика проекта. Работы критического пути имеют нулевой или отрицательный резерв времени. Теоретически могут быть использованы и другие методики сетевого планирования и управления: PERT, MONTE-CARLO и др.

В качестве основного средства представления данных о проекте в СУП используют диаграмму Гантта – перечень работ, совмещенный с временной диаграммой процессов выполнения работ. Другими формами представления данных в СУП являются:

- линейная диаграмма;
- сетевая диаграмма взаимосвязи работ;
- диаграмма потребности в ресурсах (графическая или табличная форма);
- расписание работ (календарь).

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. СУП можно использовать для прогноза технико-экономических показателей проекта, выявления проблем проекта и анализа способов их разрешения, обоснования управляющих решений, документирования прогнозов и результатов работ с помощью экранных форм и отчетов. Все перечисленные возможности характерны для пакета MS Project [4], который является системой офисного класса и ориентирован в первую очередь на малый и средний бизнес. Для крупных компаний разработаны более сложные и дорогостоящие системы, например SAP R/3.

Также необходимо добавить, что разработка графика проекта является лишь самым началом работы. В дальнейшем, приходя на работу, каждый день менеджер проекта должен вносить информацию о состоянии выполнения работ проекта, отслеживать проблемные ситуации с работами критического пути, принимать меры к возможному запараллеливанию работ или внесению временных лагов, отслеживать и устранять возникающую перегрузку ресурсов, рассчитывать риски благополучного завершения проекта и т. д., т. е. настоящая работа только начинается.

Автором настоящей статьи была поставлена и апробирована задача разработки проектов перед студентами 3–4-го курсов дневного и вечернего отделения кафедры СО, поскольку практически все они имеют места работы в самых различных сферах: государственные структуры, малый и средний бизнес, благотворительные организации и фонды, международные институты, учебные и научные центры и т. д. Анализ выполняемых ими задач показал, что очень часто они являются менеджерами различных проектов. Однако проведенный предварительный опрос выявил очень низкую осведомленность как у студентов, так и у их руководителей по месту работы о СУП и, в частности, о пакете MS Project и о возможностях и преимуществах его использования.

Элементы СУП уже были исследованы студентами в других курсах. Например, при изучении дисциплины «Проведение PR-кампаний» студенты работали со специализированной программой sPRs, переданной кафедре СО в рамках совместного сотрудничества с профессором М. МкЭлризом из Таусонского университета (США). Эта программа предназначена для разработки проектов PR-кампаний и имеет много общего с MS Project. В ней есть, например, возможности представления графика проекта в виде диаграммы Ганта и анализа рисков благополучного завершения проекта с использованием сценария What-If-Not-Founded. Данный сценарий подразумевает анализ вероятности благополучного завершения проекта в случае отсутствия финансирования определенных доходных статей бюджета проекта.

Перед студентами кафедры СО была поставлена следующая задача: разработать в программе MS Project произвольный проект, максимально основанный на реальных данных, который, возможно, может быть использован на работе, а именно:

1. В режиме «Диаграмма Ганта с отслеживанием» ввести список не менее 15 задач (работ), заполнив все соответствующие обязательные поля таблицы. Включить в проект составные работы и показать возможность использования иерархической структуры работ. Для каждой задачи ввести «Заметки».

2. В режиме «Лист ресурсов» разработать ресурсы, обеспечивающие все работы, заполнив обязательные поля соответствующей таблицы.
3. Осуществить связывание задач и ресурсов, т. е. произвести назначения.
4. В режиме «График ресурсов» определить перегрузку по ресурсам. Разработать меры по устранению перегрузки.
5. Определить и отобразить задачи критического пути. Произвести мероприятия по минимизации числа таких задач.
6. Сохранить «Базовый план проекта».
7. Изучить такие виды представления информации и проекта как «Календарь» и «Сетевой график». Продемонстрировать использование фильтра при выводе информации о работах.
8. Продемонстрировать (про моделировать) начало выполнения проекта и полное завершение какой-либо задачи.

В результате, студентами были представлены более 50 проектов различной сложности. Доминирующими темами проектов являются организация и проведение выставок и специальных мероприятий, открытие новых магазинов, клубов, кафе и других подразделений, проведение фуршетов, банкетов в честь знаменательных событий. Большинство студентов успешно справились с поставленной задачей и проявили интерес к более глубокому самостоятельному изучению дополнительных возможностей пакета MS Project. В частности, очень интересной возможностью пакета была названа система анализа рисков.

Обязательным требованием задания было также представление студентами готовых проектов своим непосредственным руководителям по месту работы и обсуждение целесообразности использования результатов в текущей работе. Подавляющее большинство проектов были приняты руководством компаний и признаны целесообразными, а пакет MS Project взят на вооружение в текущей работе.

Список литературы

1. Мир управления проектами. Основы, методы, организация, применение / Под. ред. Х. Решке, Х. Шелле. М.: Аланс, 1994.
2. Путеводитель в мир управления проектами / Пер. с англ.; УГТУ. Екатеринбург, 1998.
3. Модер Дж., Филлипс С. Метод сетевого планирования в организации работ. М.: Энергия, 1966.
4. Куперштейн В. И. MS Office и Project в управлении и делопроизводстве. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: БХВ-Петербург, 2001.

V. N. Garkusha

THE USE OF PROJECT MANAGING SYSTEMS BY PR-SPECIALISTS

Within the framework of the concept of the integrated communications the necessity of use of Control systems by Projects and deeper studying of scientific management by experts on public relations is investigated and analyzed.

The integrated communications, the project, control system of the project, the organization, public relations, management

СПЕЦИАЛИСТ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ КАК АНДРАГОГ

Гуманитарные основы деятельности по связям с общественностью предполагают ориентированность этой деятельности на человека и, в частности, на удовлетворение его образовательных потребностей. В статье рассматриваются концептуальные основы, возможности и преимущества использования андрагогической образовательной модели при осуществлении связей с общественностью.

Андрагогика, образовательные потребности, диалог, личность, двусторонняя симметричная модель, гуманитарный контекст

Для того чтобы человек состоялся в профессии, необходимо ясное понимание им смысла и назначения своей деятельности, не только с точки зрения практической пользы, но и с точки зрения общечеловеческих ценностей, к числу которых относится сама человеческая жизнь во всём многообразии своих проявлений и богатстве скрытых потенциалов.

Основой деятельности специалиста по связям с общественностью (СО) в целом является информационно-коммуникативная деятельность. От того, насколько успешно владеет PR-специалист коммуникативными технологиями и насколько успешно умеет управлять информацией, зависит решение им конкретных задач. Цель же специалиста по связям с общественностью всегда связана с человеком, его ценностями, убеждениями и мотивами. Формируя общественное мнение, создавая сложную систему взаимосвязей между целевой аудиторией и организацией, представителем которой он является, PR-специалист должен осознавать всю степень возложенной на него ответственности за каждого конкретного человека и свою целевую аудиторию в целом. Как отмечает А. Моль в книге «Социодинамика культуры», «современный человек открывает для себя окружающий мир по законам случая, в процессе проб и ошибок... Лишь накопив определённый объём информации, он начинает обнаруживать скрытые в ней структуры. Он идёт от случайного к случайному, но порой это случайное оказывается существенным. В наше время знания формируются в основном не системой образования, а СМК» [1, с. 43]. К осознанию ответственности за пробы и ошибки человека, за то случайное, что ляжет в основу существенного, PR-специалиста может привести понимание своей профессии как профессии андрагога (*андрагогика* – педагогика взрослых). Заметим также, что использование в PR-деятельности андрагогической коммуникационной модели отвечает и практическим задачам.

Современное общество, ориентированное на человека с его неповторимым внутренним миром как на главную свою ценность, диктует определённые требования профессии андрагога. Прежде всего, это ориентация на диалогичность, в широком смысле слова рассматриваемую как «центральная характеристика гуманитарно-ориентированного взаимодействия между людьми (индивидами, группами, обществами)», как «универсальный способ существования культуры и человека в культуре», как «внутренний механизм развития человеческого мышления» [2, с. 132]. Одной из основных задач деятельности по связям с общественностью является формирование доверия у общественных групп к организации,

проекту, политическому лидеру. Доверие как важная общественная ценность рождается только на основе диалогических взаимоотношений. Такие отношения не должны быть формальными, их следствием должно быть постоянное совершенствование PR-деятельности, ориентирование её на более полное соответствие нуждам общества. Для этого специалист по СО должен вести непрерывный диалог как с внутренними, так и с внешними группами общественности, именно через диалог должны решаться конкретные прагматические задачи, и только такие решения способны принести устойчивый результат, выражающийся в благоприятном долговременном общественном мнении.

Андрагог решает образовательные задачи, ориентируясь на личность взрослого человека как вполне сформированную и готовую к самостоятельному и ответственному принятию решения в соответствии с нормами и требованиями общества. Взрослый человек – это «субъект общественно-трудовой деятельности, ведущий самостоятельную жизнь: производственную, общественную, личную. Он самостоятельно принимает решения, активно регулирует своё поведение» [3, с. 12]. Андрагогическая образовательная модель, являясь частью педагогической, отличается от неё тем, что не допускает никаких форм давления на личность, предполагает исключительно взаимодействие между субъектами коммуникации. В то же время в современной практике связей с общественностью мы постоянно сталкиваемся со стремлением воздействовать на личность, понуждением её принять то или иное решение, продиктованными желанием как можно быстрее добиться конкретного результата. В итоге это пагубно сказывается на самой же PR-деятельности, поскольку слишком быстро и форсированно созданное благоприятное мнение, положительный имидж чего бы то ни было, как правило, так же быстро и разрушается, уступая место равнодушию, а иногда даже и агрессивному неприятию. Доверие приходится восстанавливать, что является делом гораздо более сложным и трудоёмким, при этом цикличность PR-деятельности происходит на одном и том же уровне, тогда как она должна носить спиралевидный характер, на каждом своём витке выходя в качественно новое измерение, решая принципиально новые задачи. Поэтому при решении конкретных задач необходимо мыслить стратегически, ориентироваться на долговременный эффект, а для этого специалист по СО должен избегать любого воздействия на свою целевую группу и стремиться к максимальной степени взаимодействия с ней, выступая в роли фасилитатора тех или иных её решений.

Андрагогическая модель образования предполагает контекстность. Взрослый человек всегда обладает определённым опытом – житейским, профессиональным, создающим контекст для новой информации, осваиваемой личностью. Работая с целевыми группами, специалист по связям с общественностью должен учитывать социокультурный опыт своей аудитории, уровень и характер её образованности. Учёт контекстности может оказаться иногда решающим фактором, определяющим успешный исход всей коммуникации. Для того чтобы получить представление о социокультурном опыте той общественной группы, с которой работает PR-специалист, можно использовать методы, разработанные социальной педагогией, в частности метод погружения в соответствующую среду, своеобразное «вживание» в свою целевую аудиторию.

Диалогичность, взаимодействие и контекстность в работе с целевыми группами – это то, что в конечном итоге обеспечивает достижение желаемого прагматического результата. Кроме того, диалогичность и взаимодействие полностью отвечают современной двусторонней симметричной модели коммуникации, на которую ориентируются связи с общественностью в настоящее время. Принципы такой модели были разработаны Дж. Грюнигом и Т. Хантом в числе четырёх основных моделей коммуникации в PR-деятельности. Двусторонняя симметричная модель предполагает не только учёт обратной связи как элемента коммуникации, но полную эквивалентность субъектов коммуникации. Симметрия при этом достигается сбалансированностью отношений между получателем и отправителем информации.

Однако решение практических задач, прагматический результат не могут рассматриваться в качестве конечной цели, о какой бы профессии ни шла речь. Гуманитарность современной культуры выражается в её ориентированности на человека как меру целесообразности любой деятельности. Конечной её целью (а не средством) может быть только сам человек, непрерывное развитие его личности, и такая цель должна присутствовать в деятельности PR-специалиста как цель высшего порядка, «метацель», интегрирующая все аспекты его деятельности. Приблизиться к достижению этой цели специалист по связям с общественностью может, осознав себя андрагогом.

Исследователи выделяют три основных содержательных компонента в образовании взрослых: профессиональный, социальный и общекультурный. Как показывают исследования, взрослые люди, как правило, более всего испытывают потребность в совершенствовании своих профессиональных знаний, умений и навыков, стремятся как можно более полно интегрироваться в общество и повысить свой общекультурный уровень. Специалисты по связям с общественностью по самой природе своей деятельности обладают большими возможностями удовлетворить многие запросы общества, связанные с этими тремя группами образовательных потребностей.

Андрагогический компонент деятельности по связям с общественностью в современной практике наиболее очевиден, когда речь идёт о внутрикорпоративных СО. Решение проблем, связанных с интеграцией каждого сотрудника в трудовую среду, как правило, входят в число основных задач внутрикорпоративного пиара, однако в эти задачи далеко не всегда входит собственно образовательная и культурно-просветительская деятельность.

Ориентируясь на работу с внутренними группами общественности, PR-специалист, должен предоставить сотрудникам возможность повышения квалификации, причём на основе научно-обоснованного подхода, предполагающего предварительные исследования. При организации специальных мероприятий для сотрудников необходимо, помимо ряда практических, ставить перед собой культурно-просветительские задачи.

Специалист по связям с общественностью имеет возможности удовлетворять образовательные запросы не только внутренних, но и внешних групп общественности, как напрямую, так и опосредованно. Если, сегментируя свою целевую аудиторию, PR-специалист будет исследовать социальные, общекультурные и профессиональные интересы отдельных групп, если будет разрабатывать ключевое сообщение с учётом этих интересов, то у данных целевых групп появится возможность определить свое отношение к органи-

зации, посылающей сообщение, не только как потребителей, но и как людей, заинтересованных в выполнении миссии данной организации. Образовательный эффект в данном случае будет связан как с удовлетворением потребности социализации, так и с повышением мотивации к профессиональному росту. Прямое удовлетворение образовательных запросов внешних групп общественности, как и при работе с внутренними группами, связано с культурно-просветительской деятельностью, многообразие форм которой позволяет вносить её в качестве элемента практически в любые специальные мероприятия.

Специалист по связям с общественностью способен не только удовлетворить, но и сформировать у своих целевых групп определённые потребности и мотивы поведения. Если реклама, как правило, формирует потребности низшего уровня, стимулирует у человека в первую очередь стремление обладать, в конкретном вещном смысле этого слова, то деятельность по связям с общественностью может формировать потребности более высокого порядка, такие как познавательная потребность, потребность в общественном признании, потребность в самореализации. Эти потребности определяют мотивы человеческих поступков. Проблема полимотивационной основы человеческой деятельности является важнейшей в теоретическом осмыслении как PR-практики, так и педагогической практики.

Исследователи обычно выделяют три группы мотивов поведения:

- собственно познавательные;
- социальные;
- мотивация личностных достижений.

Мотивация каждого из указанных типов может быть непосредственной (цель и мотив совпадают) и опосредованной (расхождение цели и мотива). В последнем случае деятельность дробится на ряд ступеней – промежуточных подцелей на пути к достижению общей конечной цели. Иными словами, достижение одной и той же цели побуждается разными мотивами. При этом соотношение цели и мотива образует то, что называют смыслом человеческого действия. PR-специалист при проведении исследований среди конкретных групп общественности интересуется, как правило, прежде всего теми мотивами, которые побуждают людей менять своё поведение в желательном для них направлении. Андрагогический же подход предполагает изучение всех мотивов человеческих поступков, определение их смысла как по отношению к той организации, которую представляет PR-специалист, так и по отношению человека к самому себе.

Ю. Н. Кулюткин в книге «Изменяющийся мир и проблемы развития творческого потенциала личности» приводит типологию мотивов учебной деятельности взрослых, отмечая при этом как внешние, так и внутренние их проявления.

1. Познавательная мотивация: внутренняя (эпистемическая любознательность, ориентировочная активность, интерес к новизне); внешняя (практическая польза знаний).

2. Мотивация достижения личности: внутренняя (проявление творческих сил и способностей, преодоление трудностей, «радость открытия»); внешняя (авторитет, престиж, честолюбие).

3. Мотивация долга: внутренняя (чувство ответственности перед самим собой, совесть); внешняя (ориентация на поощрение или наказание со стороны других) [4, с. 36].

В качестве ещё одного мотива Ю. Н. Кулюткин называет тот, который обусловлен потребностями в общении и эмоциональном контакте, – потребности в аффилиации. Необходимо отметить, что все перечисленные типы мотивации органически слиты, трудно разделить, в какой момент какой мотив руководит человеком в его деятельности.

Заметим, что все вышеуказанные мотивы поведения, обуславливающие учебную деятельность взрослых людей, фигурируют и при осуществлении связей с общественностью. Профессиональная PR-деятельность, как правило, ориентируется на внешние проявления этих групп мотивов, в то время как андрагогический компонент данной деятельности требует ориентации и на их внутренние проявления.

Одной из наиболее важных функций PR-специалиста как андрагога является ценностно-ориентировочная, помогающая человеку разобраться в постоянно расширяющемся потоке информации. Современный мир, стремительно меняясь, с одной стороны, становится всё более интересным и многообразным, а с другой стороны, ставит перед человеком всё более сложные и порой неразрешимые проблемы. Множество возникающих новых явлений ведут к тому, что традиционные этические и эстетические категории наполняются новым содержанием, поэтому отличить истинные ценности от ложных становится чрезвычайно трудно. Иногда и сами нравственно-эстетические ориентиры оказываются смещёнными, мнимые ценности выдаются и принимаются за подлинные. По мнению исследователей, активно идущий процесс урбанизации подавляет индивидуальные качества человека, «унифицирует культурную среду, способствует внедрению в сознание стереотипов мышления и поведения» [5, с. 4], ведёт к дефициту подлинной культуры, выражающемуся в растущей интервенции квазикультуры, антикультуры, контркультуры. Одним из атрибутов урбанизации, всё это обуславливающих, является огромный поток разнообразной информации, осмысление которой становится всё более затруднительным, поэтому возрастает необходимость учить и учиться ориентироваться в этой информации, делать сознательный выбор.

Количество информации, предоставляемой человеку в единицу времени, очень велико, что затрудняет нормальное протекание процесса восприятия. Читатель, зритель, слушатель зачастую оказываются подавленными обилием разнообразных впечатлений, не оставляющих им ни времени, ни эмоциональных и интеллектуальных сил для того, чтобы осмыслить своё к ним отношение, осмысление происходит чисто внешнее, поверхностное. Как пишет И. А. Колесникова в своей книге «Педагогическая реальность в зеркале межпарадигмальной рефлексии», «концентрация информации определённого содержания и эмоциональной направленности, равно как и блокирование жизненно важной информации играют роль мощного формирующего, конструктивного либо деструктивного фактора... При этом возникает опасность отождествления информационной реальности с вещно-событийной» [6, с. 168]. Последнее замечание Колесниковой непосредственно касается PR-деятельности, которая, продуцируя информационную реальность, часто пытается подменить ею реальность подлинную, вещно-событийную. Более того, тот факт, что одним из действенных инструментов PR является мифологизация, создание определённой иллюзии, имеющей своей конечной целью повлиять на человеческое поведение, делает PR-профессию весьма уязвимой с этической точки зрения. Однако эту ситуацию можно и нужно преодолевать и преодолевать по существу, отказываясь от любой лжи, в какой бы завуалированной форме она ни преподносилась.

Специалист по связям с общественностью является одним из важнейших субъектов производства информации, и поэтому на нём лежит ответственность за то, чтобы информация была уместной и качественной со всех точек зрения. Продуцируя информацию, необходимо учитывать звучание её в общем контексте, причём не только с точки зрения достижения прагматических целей, но и с точки зрения того эффекта, который может возникнуть на разных уровнях структуры человеческой личности. Так, например, сообщение об удачно проведённой презентации, появившееся на фоне общего потока информации о каком-либо трагическом событии, с одной стороны, вызовет негативное отношение, раздражение по отношению к организации, проводившей презентацию, а с другой стороны, может стать толчком к сдвигу в ценностных установках человека, ведущему к равнодушию и безответственности. И наоборот, на этом же информационном фоне сообщение о благотворительной акции пострадавшим как демонстрация своей социальной ответственности увеличит доверие к организации и будет обладать важным андрагогическим эффектом.

Вопрос о качестве информации, по мнению авторов настоящей статьи, теснейшим образом связан с вопросом о её эстетической ценности. Многие явления в сфере информационно-коммуникативной деятельности, прежде чем быть оцененными с этической, правовой, потребительской и прочих точек зрения, получают первоначальную, отчасти подсознательную, эстетическую оценку, что, с нашей точки зрения, является одной из причин неадекватности восприятия и оценки этих явлений. Иногда казалось бы профессионально грамотно проведённые рекламные кампании, конференции, презентации, деловые встречи не достигают желаемого результата, поскольку вызывают безотчётное эстетическое раздражение у тех, для кого они предназначены. На самом деле профессионализм предполагает, как представляется, в числе прочего ориентацию и на эстетические критерии. Отметим, в частности, что реклама крупных, всемирно известных корпораций отличается высокой художественной ценностью (например, реклама компании «Кока-кола»). Это свидетельствует о высочайшем профессионализме её создателей, понимающих, что именно художественной ценностью рекламы обеспечивается её успех. В широком смысле любая информационно-коммуникативная деятельность, для того чтобы быть успешной, а также для того чтобы решать андрагогические проблемы, должна осуществляться в соответствии с нормами высокого эстетического вкуса.

Эстетический вкус, будучи в структуре человеческой психики сложным системным образованием, сочетающим в себе как объективную, так и субъективную составляющие, выступает определённым стабилизирующим фактором восприятия. Как объективное мерило эстетической ценности вкус помогает дать верную оценку качеству поступающей информации, не выходящей за рамки традиционной, как субъективное мерило эстетического вкуса помогает оценить информацию качественно новую, нестереотипную по форме и содержанию, предотвратить изначальное неприятие нового только потому, что оно новое.

Воспитание вкуса является, пожалуй, не менее важной функцией специалиста по связям с общественностью, её можно рассматривать как компонент ценностно-ориентировочной функции.

Можно было бы возразить, что высокий эстетический вкус присущ далеко не каждому, а информационно-коммуникативная деятельность ориентирована на массового потребителя, обладающего по преимуществу непритязательными вкусами. Однако, по глубокому убеждению авторов статьи, это не должно быть причиной снижения уровня эстетической ценности данной деятельности и не должно служить оправданием безвкусицы, хотя бы потому что подсознательное, безотчётное стремление к эстетическому идеалу есть у каждого, и в конечном итоге именно соответствие этому идеалу способно наиболее полно обеспечить результативность информационно-коммуникативной деятельности.

Какую бы функцию ни выполнял специалист по связям с общественностью, какие бы практические задачи ни стояли перед ним, он всегда должен помнить о своей миссии андрагога, ориентирующего людей на важные общечеловеческие ценности и помогающего им удовлетворить свои образовательные потребности. Именно этот, интегрирующий все аспекты деятельности PR-специалиста, андрагогический общегуманитарный компонент превращает связи с общественностью из одной из функций маркетинга в самостоятельную область деятельности, осуществляемую уже не в технократической, а в гуманитарной парадигме общественных отношений. Связи с общественностью как самостоятельная область в этом случае предполагают уже не только информационно-коммуникативную, а все четыре вида человеческой деятельности: преобразовательную, познавательную, ценностно-ориентационную и коммуникативную, – а это означает выход профессии на качественно новый уровень.

Список литературы

1. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973.
2. Образование взрослых на рубеже веков. Вопросы методологии, теории, практики: В 4 т. СПб.: Изд-во «ИОВ РАО», 2000. Т. 3.
3. Кулюткин Ю. Н. Психология образования взрослых. М.: Просвещение, 1985.
4. Кулюткин Ю. Н. Изменяющийся мир и проблемы развития творческого потенциала личности. СПб.: Изд-во СПбГУПМ, 2002.
5. Кукушкин М. А. Художественные потребности и культурная социализация молодёжи: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Каф. соц. культуры. М., 1990. 20 с.
6. Колесникова И. А. Педагогическая реальность в зеркале межпарадигмальной рефлексии. СПб.: Изд-во СПбГУПМ. 1999.

V. M. Kisselnikov, M. E. Kudryavtseva

PR-PERSON AS A TEACHER

Humanitarian fundamentals of public relations activities imply the aiming of these activities at the human being and, in particular, at satisfying his educational needs. The paper covers the basic principles, opportunities and advantages of using adult-oriented educational model when implementing public relations activities.

Teaching, education of the adult, educational needs, dialogue, personality, bidirectional symmetrical model, humanitarian context

УДК-352

А. И. Денисов

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируются основные условия и этапы проведения реформы местного самоуправления в РФ, раскрывается роль органов государственной власти в реформировании муниципальных образований, выделяются уровни разграничения властных полномочий органов государственной власти и местного самоуправления.

Реформа местного самоуправления, полномочия органов местного самоуправления, гарантии самостоятельности местных сообществ

Важным результатом становления и развития местного самоуправления в современной России стало более полное осознание роли местных сообществ в системе российской государственности: сильное муниципальное образование – основа сильного государства. Политические, социальные, экономические интересы граждан связаны с интересами государства, прежде всего, через групповые интересы жителей одного города, села, района, реализуемые посредством самоуправления. Сегодня именно местное самоуправление может стать носителем консолидации усилий человека, местного сообщества, государственной власти федерального и регионального уровня, направленных на возрождение жизненных перспектив каждого человека, на создание благоприятного экономического, социального, экологического, духовного потенциала того большого или малого поселения, где протекает человеческая жизнь, где растут дети.

Первый этап становления местного самоуправления позволяет увидеть во многих городах и районах большую жажду деятельности местных сил, готовых к терпеливому и прочному строительству демократических механизмов решения насущных проблем повседневной жизни: достойного содержания домов, квартир, больниц, яслей, школ; содействия росту муниципальной экономики, местной экономической инициативы; защиты в своей местности неотравленного воздуха и воды; полезной для населения территории разработки ее природных богатств. Наряду с этим, местное самоуправление в современной России не стало еще подлинным самоуправлением народа, а, скорее, играет роль нижней ступени в системе государственной власти, концентрируя во многом результаты ее бюрократических тенденций. Этот факт является внешним выражением незавершенности формирования института местного самоуправления как субъекта властных полномочий, как субъекта, осуществляющего взаимодействие с органами государственной власти в целях повышения благосостояния граждан. Поэтому повсеместное создание в России органов местного самоуправления не означает еще, что реформа местного самоуправления близка к завершению, наоборот, она должна только начаться.

В настоящее время решена лишь часть задач становления местного самоуправления. Ранее выполнявшиеся государством функции в сфере социально-экономического развития городов и районов, социальной защиты граждан, содержания здравоохранения и образования, транспорта, жилищного фонда были в значительной мере переданы местному самоуправлению, что получило законодательное оформление в качестве определения вопросов местного значения. В то же время полномочия, соответствующие указанным переданным функциям, законодательно не отрегулированы и по факту остаются преимущественно в компетенции органов государственной власти. Не отрегулированы и технологии взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в осуществлении функций, которые одновременно имеют и государственный, и муниципальный уровень.

Сегодня за недоработки в законодательном обеспечении гарантий местного самоуправления, его полномочий расплачивается население России, в глазах которого дискредитируется сама идея местного самоуправления, оставленного наедине с повседневными проблемами, без денег, практически без прав в недро- и землепользовании, без инструментов влияния на социально-экономическое развитие «самоуправляемой» территории, без форм участия в законодательной деятельности и формировании социально-экономической политики государства.

Несмотря на законодательно оформленные общие принципы местного самоуправления, государственные чиновники распределяют местным бюджетам реальные доходные источники, попутно решая, какими вопросами позволено заниматься местному самоуправлению. В финансовых управлениях администраций субъектов федерации не иссякают очереди местных представителей, занятых согласованием расходов и доходов местных бюджетов.

Региональные власти повсеместно заняты тяжбами с федеральными властями по поводу неумеренной централизации бюджетных доходов в федеральном бюджете. Но «дурной пример заразителен» – под лозунгом формирования «минимальных бюджетов» с территориями муниципальных образований изымаются доходы на уровень региональных бюджетов. Государственные чиновники, сначала изъяв доходы, получают возможность их делить, причем так, что даже благополучные по налоговой базе города и районы не могут мечтать о каком-либо ином бюджете, кроме так называемого минимального, и ставятся в зависимость от благосклонности региональных властей. Суть дела не меняется от того, как идет эта «раздача» регулирующих доходных источников, – через прямое согласование расходов местного бюджета или через установление норм расходов местных бюджетов региональным законодательством.

Под предлогом «юной неопытности» или «нестойкости» местного самоуправления вводятся нормы для формирования минимальных бюджетов. Такими нормами государственные чиновники буквально «связывают руки» местной инициативе, предписывая и сколько средств затратить на содержание одного больного, и какую зарплату платить главе местной администрации или машинистке. Местное самоуправление в этой системе более похоже на воспитанника детского дома, для содержания которого определяют, сколько рубашек, сколько авторучек ему необходимо на год, а не на власть, которая по определению должна иметь право, силу и волю в решении местных вопросов, свободу действий и распоряжений.

В любом случае при нормировании или прямом контроле за местными бюджетами – вне сферы «бюрократического внимания» остается социально-экономическое развитие, т. е. важнейший вопрос, отнесенный федеральным законодательством к предметам ведения местного

самоуправления. Этот произвол региональных властей является прямым следствием того, что федеральное законодательство применительно к их деятельности практически не вступило в силу.

Сегодня регулирование межбюджетных отношений (бюджет субъекта федерации и местный бюджет) федеральным законодательством отнесено к компетенции субъекта федерации. Однако федеральное законодательство фактически не установило ни правила такого регулирования, ни права в этом процессе местного самоуправления. Эта незавершенность законодательства не позволяет местному самоуправлению потребовать закрепления за местным бюджетом необходимых доходных источников, регулирование которых и осуществляется органами государственной власти субъектов федерации по своему усмотрению. Более того, идея минимального бюджета, не получившая в полном объеме законодательного выражения, позволяет органам власти субъекта федерации под «лозунгом» гарантий минимального местного бюджета свести все местные бюджеты к минимальному уровню, в одностороннем порядке определенному региональными государственными органами. При этом местный бюджет, так называемые гарантии местного самоуправления, его права и полномочия в сфере решения вопросов местного значения поставлены в полную зависимость от воли органов государственной власти субъекта федерации.

Неготовность органов государственной власти установить минимальные государственные социальные стандарты связана прежде всего с объективной невозможностью ввести единые стандарты для всех муниципальных образований. Следовательно, возможно более перспективным будет поиск иной конструктивной идеи обеспечения финансовых гарантий самостоятельности местного самоуправления, например, на основе установления федеральным законодательством иного, более реального перечня налогов, подлежащих зачислению в местные бюджеты, удовлетворяющего тому, чтобы типичное муниципальное образование могло получить за этот счет доходы местного бюджета, достаточные для саморазвития и решения вопросов, отнесенных к местному значению. При этом регулирование межбюджетных отношений могло бы затрагивать только те муниципальные образования, экономика которых явно не достаточна для саморазвития, нуждается в государственном структурном регулировании, а население в государственной поддержке.

Без консолидации усилий местного самоуправления и государственной власти, без создания прочного экономического фундамента каждого муниципального образования – никакими нормами и поощрениями на выплату заработной платы бюджетникам не обеспечить достойный качественный уровень ни образования, ни медицинского обслуживания. Социально-экономическое развитие страны начинается с развития конкретного города и района, поэтому оно нуждается в инициативе местных сил, основанной на самом точном знании местных условий и подкрепленной реальными правами и финансовыми ресурсами.

Демонтаж системы централизованно-управляемой плановой экономики не сопровождался созданием систем, способных реализовать иные принципы функционирования хозяйственной системы.

Экономика муниципального образования – общая проблема двух самостоятельных уровней власти – местной и государственной. Реформа местного самоуправления должна создать механизм взаимодействия этих властей в важнейшем вопросе регулирования муниципальной эко-

номики. В настоящее время взаимодействие местной и государственной власти как субъектов с автономной волей полностью отсутствует и подменяется односторонним диктатом государственной власти, как федеральной, так и региональной. А необходимость их равноправного взаимодействия в развитии муниципальной экономики в большинстве случаев просто не воспринимается. В органах местного самоуправления продолжают видеть некоего конечного распределителя в длинной цепи распределительного механизма, т. е. проводника скудных бюджетных средств к некоторым категориям их получателей, так называемых бюджетников, да исполнителя функций по поддержанию самых скромных основных средств бюджетных организаций нижнего звена.

Более того, сегодня даже само понятие муниципальной экономики отсутствует. Однако комплекс хозяйствующих субъектов, расположенных на территории муниципального образования, не может более оставаться для ответственной власти совокупностью совершенно разрозненных и безразличных ей производств. В действительности именно на такие территориальные комплексы могут и должны быть ориентированы государственная и муниципальная структурная политика и стимулирование их хозяйственной активности. Именно расположенные на одной территории хозяйствующие субъекты связаны между собой не только и не столько поставками, но прежде всего их связывают люди, которые работают на этих предприятиях и проживают на этой территории. Деятельность указанных предприятий определяет конкретные условия повседневной жизни населения, а экономические перспективы таких предприятий – это жизненные перспективы всех жителей данного города, района. Следовательно, именно экономическое развитие своей территории – главная, самой жизнью определяемая забота местного самоуправления.

Поэтому необходимо законодательное расширение прав местного самоуправления в регулировании деятельности муниципальной экономики, важнейшими составляющими которой являются: малое предпринимательство, а также сектора экономики муниципального образования, имеющие местное значение, в том числе обеспечивающие местное благоустройство, обслуживание жилищно-коммунального комплекса, местный транспорт и т. п.

Именно местному самоуправлению необходимо предоставить права регулирования налогообложения муниципальной экономики, а бюджетные доходы от ее налогообложения зачислять в местные бюджеты, что создало бы реальную технологию активизации потенциала местного самоуправления, направленной на развитие экономики, на проведение действенной государственной структурной политики. При этом было бы достигнуто оптимальное сочетание усиления управляющего воздействия на развитие экономики с максимальным использованием потенциала демократических методов управления. Для регулирования межбюджетных отношений следовало бы ограничить прогноз поступлений доходов от муниципальной экономики определенной долей от прогнозных расходов местного бюджета, учитываемых в регулировании межбюджетных отношений. Эту долю следовало бы дифференцировать в пределах от 2 до 10 % в зависимости от социально-экономического положения муниципального образования.

Только подлинная реформа сможет вывести местное самоуправление из порочного круга дележа между больницами и школами спущенных сверху урезанных денежных средств, дотаций убыточному жилищно-коммунальному хозяйству и транспорту, вывести его из самой не-

презентабельной роли «крайнего» в ставшем нормой пренебрежении государственной властью своих же социальных гарантий.

Важнейшей задачей государственного строительства на современном этапе является создание и укрепление демократических форм и механизмов воздействия государства на развитие экономики страны. Поэтому одной из главных целей реформы местного самоуправления должно стать создание условий для консолидации усилий государственной власти и местного самоуправления для развития экономики страны. Именно в таком контексте незаменима роль местного самоуправления. Повседневные интересы жителей не могут быть реализованы вне экономического подъема этой территории. Поэтому местное самоуправление, выражая интересы граждан, способно, при должном правовом оформлении, стать действенным субъектом управления социально-экономическим развитием своего города, поселка, района, которые вместе и составляют Россию.

Поэтому главным содержанием государственной поддержки местного самоуправления должно стать формирование правового статуса института местного самоуправления как субъекта российской государственности, как субъекта властных отношений.

Список литературы

Денисов А. И., Барыгин И. Н. Становление системы местного самоуправления в Российской Федерации. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 1999.

Муниципальные аспекты территориального управления / Под ред. А. И. Денисова, И. Н. Барыгина. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2002.

A. I. Denisov

ORGANIZATIONAL FACTORS OF MUNICIPAL REFORM REALIZATION IN RF

The main conditions and stages of reform pursuance of local self-government reform in RF are analyzed, the role of the state power institutions in reforming of municipal institutions is revealed, the differentiation levels of power authorities of the state power institutions and local self-government are distinguished.

Reform of local self-government, powers of the local self-government bodies, independence guarantees of local communities

УДК 001.4

Б. В. Марков

ЭТИЧЕСКИЕ ПОСЛАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Рассматривается иммунная функция речи, которая имеет автопластическое назначение, состоящее в формировании тождества личности или группы. Предлагаемый подход, в отличие от семантики, более адекватно раскрывает употребление языка не только в этических посланиях, но и в обещаниях, призывах и иных речевых актах, в изобилии встречающихся в повседневной коммуникации.

Язык, речь, риторика, коммуникация, религия

Человек и сообщества людей должны обладать сильным иммунитетом для самосохранения. Каждый человек и каждая группа сохраняют себя в том числе и гордым убеждением в собственном превосходстве над остальными существами. Три научных открытия на-

несли сильнейший удар по нашей иммунной системе: открытие Коперника, сорвавшего крышу над Землей, выбросившего людей в пустой и холодный космос; открытие Дарвина, лишившее нас гордости перед животными и поставившего нас в один ряд с обезьянами; наконец, открытие Фрейда, показавшего, что мы не являемся хозяевами в собственном доме, что над сознанием властвует бессознательное и прежде всего сексуальное чувство, управляющее нами, а не мы им.

Итак, просвещение, которому обычно поют гимны, на самом деле является своего рода историей болезни, разрушением прочной иммунной системы, которая наращивалась тысячелетиями. Конечно, чувство гордости за себя и свой коллектив не должно превращаться в эгоизм, оно должно сочетаться с толерантностью по отношению к аналогичным чувствам других, но крайне опасно стереть это чувство совсем, ибо без него, как без кожи, человек окажется подвержен вирусам «чужого».

Сегодня наше общество является открытым, пали прежние искусственные барьеры, которые, по сути дела, ограждали нашу психическую, социальную, экономическую систему, нашу культуру от воздействий со стороны других систем. Воспитанные за «железным занавесом», как в профилактории, мы потеряли способность самосохранения и слишком давно уже живем на капельнице, заботливо опекаемые от вредных воздействий сначала родителями, затем педагогами, наконец, авторитетными органами. Не слишком утруждая себя, они действовали методом запрета и таким образом лишили нас способности самостоятельно защищаться. Когда, наконец, стены и границы пали, беззащитные мы оказались под угрозой исчезновения. Чтобы сохраниться, воспитание сегодня должно включать нечто аналогичное прививкам, т. е. мы – воспитатели юношества должны не надевать на людей маски-намордники, а, наоборот, осуществлять микроинъекции вирусов, угрожающих самосохранению общества. Только благодаря этим контролируемым прививкам можно укрепить иммунную систему молодежи. В противном случае, как только она окажется за стенами школы-профилактория, воздействие окружающей среды начнет свою разрушительную работу.

По Маршаллу Маклюэну, все происходящее в обществе и прежде всего понимание людей друг другом имеет автопластический смысл, выражающийся во всем, что они думают и делают. [1]. Язык – это и есть нарциссический инструмент, игра на котором определяет единство тех, кто на нем играет. Тональность этого инструмента самовозбуждает. Поэтому язык – это, прежде всего, совокупность узнаваемых мелодий, которыми звучат послания. При этом их первичное назначение состоит не в том, чтобы служить средством для передачи информации, а в том, чтобы формировать коллективное тело тех, кто коммуницирует. Люди используют слова прежде всего для того, чтобы сообщать о своих достоинствах на своем языке. Человек не просто описывает те или иные положения дел, а, так или иначе, восславляет их. Племена и народы всегда создавали собственные идиомы для выражения собственных достоинств, и даже технические языки косвенным образом воспевают славу самих техников. Более того, критические и даже мазохистские дискурсы способствуют именно самовосхвалению.

В исторической перспективе обнаруживается, что первичный нарциссизм, свойственный ранним этносам, не только не исчезает у наций, но лежит в основе их классификации.

Самоутверждение человек осуществлял в признании первородного греха, в искусстве галантности, в поисках самого себя и в представлении себя другим на сцене жизни. Послание Бога и исповедь человека, гуманистическое послание как письмо далекому и незнакомому другу, философское произведение и дружеские послания поэтов – все это объединяет то, что они есть не что иное, как риторический жест по преимуществу.

Но прежде, чем писать новое послание, необходимо рассмотреть судьбу старого. Когда культура достигла монархической стадии в своем развитии, язык перестал быть медиумом рапсодов и пророков, которые прославляли героев и богов. Поэты и риторы феодального общества упражнялись в искусстве косвенной евлогии (восхваления), которая ставила в центр господина, а его певца поодаль. Воспевали Бога или господина, а тот, кто восхвалял их, унижал самого себя. Даже царь Иван Грозный, известный как ужасный деспот, в своих посланиях характеризует себя как самого никудышного человека. Наоборот, древние использовали язык исключительно эгоистически и восхваляли если не самих себя, то свой род. Поэт не отделял себя от героев, а находился с ними рядом.

Упомянутый подход сохраняется и в Евангелии. С коммуникативной точки зрения христианство является весьма необычным. В его основе лежит послание невидимого, трансцендентного Бога, которое противоречит всему тому, что знает человек из собственного опыта. Послание Бога резко отличается от научных сообщений, которые можно проверить фактами, а также от приказов, которые отдаются земной властью и выполняются в случае, если она сильна и авторитетна и может наказать ослушников. Император видим, и его власть осязательна. Бога же не видел никто. Тем не менее он находит путь к душам людей и отправляет с посланием своего собственного Сына, который обречен стать жертвой земной власти.

Что такое Евангелие и почему их не одно, а четыре? Почему недостаточно было четко и ясно изложить послание Бога, как это сделано в Коране? Наконец, кого славят Евангелия, Бога, его Сына или самих евангелистов, учеников Христа? Думается, что ответы на эти вопросы следует искать в особенностях устройства раннефеодальной медиа-империи. Приглашение Бога стать членами его Царства направлено к той или иной этнической коммуне. Это обстоятельство превосходно можно наблюдать на примере развития ранней отечественной религиозной литературы. Основной пафос «Поучения» Владимира Мономаха или «Сказания о Борисе и Глебе» состоит в том, что для объединения разрозненных княжеств и враждующих друг с другом князей в единое русское царство Борис и Глеб становятся не просто Святыми, жителями Божьего царства, а боевыми символами, защитниками Руси.

Смысл такой этнонационалистической операции состоит в том, что с ее помощью русские люди выходят на широкий простор истории и равняются на деяния греков и римлян. Дальнейший рубеж и пункт прибытия «Москва – Третий Рим». Таким образом, русская версия Евангелия имеет важный политический смысл. Следует подчеркнуть, что эта идеология обретает поэтическую и евангелическую форму одновременно. Поэтика империи и Божьего царства слиты в них воедино. Даже сегодня эти тексты оказывают на читателей магнетическое воздействие. Летописец славит одновременно Бога, князя и народ, которые пребывают в трогательном единстве. При этом песнопевец-летописец отождествляет себя с объектом воспевания. Сам язык понимается как инструмент славословия. Отсюда стремление сделать его все более изысканным и напевным. Здесь существует только одна

трудность, которая более всего проявляется, например, в «Житии протопopa Аввакума»: древнеславянский язык содержал простонародные грубые идиомы, не соответствующие задаче мелодического воспевания Бога. Во всяком случае, эта же проблема решалась при переводе Священных текстов на древнеславянский язык. К сожалению, были чужие переводчики, да и сама письменность создавалась иноземцами. Но, к счастью, русские летописцы нашли мужество и силу соединить евангелические и народно-эпические мелодии. В сказаниях о земле русской былинный эпос соединяется с христианскими идеями, и по своему значению это сравнимо с лютеровским переводом Библии.

Когда наступила эпоха ученых, сложилась новая евангелическая традиция, которая, в конце концов, привела к научному подходу к религии. Проблема исправления и улучшения Евангелия стояла в том отношении, что вместе с восславлением коллектива необходимо было и возвышение индивида. За эту задачу, например, взялся никто иной, как сам Т. Джефферсон, президент США и редактор американской Декларации о независимости. Очевидно, что он принялся за редактуру Евангелия с вполне определенной прагматической целью – «вмонтировать» американцев в семью «всемирных народов». США – это не только продукт независимости и борьбы против господства британской короны, но и самостоятельное органическое образование. Естественно, что христианское послание было использовано для прославления Америки. Джефферсон в годы своего президентства нашел время для сравнения греческой, латинской, французской и английской версий перевода Евангелия и составления на их основе текста, названного «Жизнь и мораль Иисуса из Назарета» и известного как «Библия Джефферсона» [2, S. 17]. Критерии его редактирования Библии определялись попыткой соединить христианский монотеизм с идеями Просвещения. Самое удивительное состоит в том, что утонченный представитель эпохи Просвещения вынужден был прибегнуть к риторике исторических Евангелий. Но тот, кто воспитан на идеях французской и американской революций, не может пользоваться библейским языком. И все же это произошло по той причине, что язык старой Библии использовался для глорификации гражданина и гуманиста.

Неудивительно, что реконструированный Христос представляет собой носителя евроамериканского просвещения. От заповедей остался один моральный кодекс, уместившийся на 64 страницах. Джефферсон писал о том, что он стремился отделять золото от шлаков и среди многих, приписываемых Христу изречений, отобрал лишь те, которые не являются непонятными, абсурдными, не соответствующими действительности. И все-таки главное для Джефферсона не реконструкция реального, рационального, исторически существовавшего Иисуса, а утверждение морали, соответствующей эпохе Просвещения.

Аналогичным образом действовал Лев Толстой, искавший особый русский путь слияния религии и просвещения. В небольшой статье «Как читать Евангелие и в чем его сущность?» (1896) он писал: «Я читал Евангелия и нашел в них вполне доступную истину... Для того, чтобы понять всякую книгу, необходимо выделить из нее все вполне понятное от непонятного и запутанного, и из этого выделенного понятного составить себе понятие о смысле и духе всей книги, и тогда на основании вполне понятного выяснить для себя места не вполне понятные и запутанные» [3, т. 14, с. 77].

Толстой, разочаровавшись во всех толкованиях религии, в конце концов, берет на себя функцию нового евангелиста. Он, подобно Августину, описывает свою жизнь: до 50 жил

ни о чем, кроме удовольствий, не думая, а затем перед лицом болезни и смерти впал в отчаяние. Тогда стал читать Евангелия и выделять в них то, что соответствовало требованиям разума и сердца. Это даже не откровения Христа, а то, что совпадает с мнением лучших представителей человеческого рода: Моисея, Исаяи, Конфуция, древних греков, Будды, Сократа, Паскаля, Спинозы, Фихте, Фейербаха. Ответ на вопрос о смысле жизни, даваемый ими и найденный самостоятельно, Толстой хочет передать людям: «И потому побуждает меня к тому, что я делаю, не корысть, не слава, не мирские соображения, а только страх не исполнить того, чего от меня хочет Тот, Кто послал меня в этот мир, к Которому я каждый час жду своего возвращения» [3, т. 14, с. 89]. Толстой писал о «вечном начале истины и добра», которое проходит через него.

Ницше выявил в тысячелетнем процессе переписывания Послания ужасную тенденцию: оно все улучшалось, становилось все более благим, но при этом в нем все резче проступал ужасный профиль ressentiment. Ницше отрицательно оценил попытки Руссо (а тем самым Джефферсона и Толстого) написать «хорошее» Евангелие. И, тем не менее, Ницше создал новое евангелие, в котором предлагал перейти «по ту сторону добра и зла», а точнее оправдать так называемое зло, ибо добро на самом деле наносит вред жизни.

Ницше известен как самый непримиримый противник христианства. И вместе с тем, в его сочинениях, в самих его протестах есть нечто общее с Пророками. Разрыв Ницше с европейской евангелической традицией станет понятен, если обратить внимание на несовместимость Просвещения с протестантизмом. Необходимо искать новую форму речи о совершенстве человека и, прежде всего, преодолеть джефферсоновский эклектизм. Дистанцирование от страдания, отказ от признания чуда делают невозможным признание Апокалипсиса секуляризированной публикой. Многие Евангелические высказывания являются угрозами: если, кто хоть немного усомнится в вере, пусть сразу наденет на шею мельничный жернов и бросится в море (от Марка. 9.42). Тут уже не помогут редакторские ножницы, ибо сохранившиеся остатки Евангелия препятствуют свободному исследованию. Точно так же демифологизация едва ли спасает костяк Писания. Печаль, страх – вот источник возвышенных речей. Оптимизм Просвещения непримирим с Апокалипсисом Библии. Чтобы «добрые послания» продолжались и принимались, необходимо избавиться от страха, питающего ранние послания. Тот, кто пытается создать и передать хорошее послание человечеству, неизбежно приходит к необходимости субверсии Евангелия. Фактически проект Просвещения и манифест коммунистов и были компромиссом библейской стилистики с новыми ожиданиями. А может быть, компромиссом старых ожиданий с новой риторикой.

Ницше был первым теоретиком языка, который обратил внимание на иммунную функцию речи и попытался восстановить в своих сочинениях героический напев гимнов, воодушевлявших людей на подвиг, заставлявший их стать выше самих себя.

Древний эпос, Евангелия, наконец, выдающиеся произведения искусства, которые написаны на языке рода человеческого, – все эти тексты защищают человека от ужасов бытия, оправдывают его жизнь и примиряют людей друг с другом. Уже в своем первом большом сочинении «Рождение трагедии из духа музыки» Ницше указал на «музыкальность» философских текстов. Одни из них наследуют и совершенствуют героическую ме-

лодию, открывающую широкий простор героических деяний, другие, напротив, своим унынием еще глубже погружают человека в капсулу внутренних переживаний.

Ницше не хотел пародировать Евангелие. Субверсия в форме «черного Евангелия» – старая стратегия. Точно так же он не стремился дополнить лютеровские дифирамбы законами Ману. Исповедь и цитация заново комбинируются Ницше. Автор «Заратустры» искал новую основу силы речи, он стремился избавиться от препятствия, названного ресентиментом (смесь чувств зависти, мести и ненависти). Поскольку старые «добрые послания» на самом деле вели к деградации и порабощению человечества, Ницше хотел достичь эффекта исцеления и освобождения. В «Веселой науке» он показывает, что ресентимент стал опасным орудием. Все резче проступал его профиль во всем, что исследовал Ницше. Все, задуманное с лучшими намерениями, питалось ресентиментом и усиливало его. Это катастрофический вывод: теологические и метафизические послания странным образом усиливали мизологию. В целом как классическая мудрость, так и теоретический дискурс современности, т. е. Просвещения, оказались плохими системами речи. Они служили средством клеветы на власть, человека и мир и подавляли способность занять достойную позицию сильного и счастливого, гордого и самоуверенного существа. Старая стратегия борьбы с грехом гордыни в скрытом виде продолжалась и в эпоху гуманизма.

Высокие культуры Азии и Европы, когда клали на весы вечности последнее слово своих посланий, негативно оценивали бытие человека как бессмысленную череду страданий и обещали лучшую жизнь по ту сторону земного существования. Прежняя мораль – это универсализация мести. Сегодня, в жестокую эпоху, кажется спасительным вернуться к языку Писания, к гуманизму, рационализму. Но, во-первых, эти языки исключают друг друга. Во-вторых, они уже содержат вирусы морального ресентимента и не могут быть лекарством от отчуждения. Каков же выход? Обычно меняли один язык на другой. Сначала право транслировать послания человечеству узурпировала церковь. Потом этим занялись от лица государства институты образования, использовавшие языки метафизики, науки и идеологии. Они противопоставили потустороннему миру мир действительный, собственно, в снятии противоположности между ними и состоял хороший эффект таких речей. Однако осталось незамеченным то обстоятельство, что эти прогрессивные хорошие послания содержат дух мести и славят скорее человеческое безумие, чем разум. Накануне первой мировой войны везде процветал шовинизм и милитаризм. Ницше предупреждал об опасности этого «духа мести», но его не только не услышали, а, наоборот, использовали как национального мессию.

Кроме Сократа и Платона настоящим гением коммуникации в форме посланий был ап. Павел. Именно корректировкой его стратегии и был озабочен Ницше. Кроме посыльного, он стремился поменять отправителя сообщения, прекрасно понимая значение своего маневра и считая его действием, имеющим всемирно-исторические последствия. Его назначение состоит в том, чтобы извлечь из павлианского послания вирус ресентимента, интервенция которого в европейскую культуру стала причиной ее заката. Ницше также хотел сохранить и перенаправить героический порыв греков. Это была грандиозная задача, требующая много времени и сил. Ницше писал, что хотя он не смог вполне осуществить ее, его имя останется в веках. Он называл свою книгу по-разному: «книга поучений» (Erbauungsbuch), «святая книга», «книга преодолений», «Завет», «пятое евангелие». Для самоназвания он использовал этикетку

«Сын Заратустры», а сам текст как новую религию. Но причины всех этих именовании лежат по ту сторону пародирования. Прежние Евангелия были ложными, они строились как «благие послания», а на самом деле оказались триумфом мизологии. Все четыре Евангелия есть ничто иное, как корпус плохих посланий, написанных священниками, теологами – адвокатами Ницше, кастой слабых, но жаждущих власти людей, которые обрели власть над сильными и смелыми личностями, обвинив их во всех грехах. Эту же стратегию продолжают современные журналисты и философы-идеалисты, которые пропагандируют ресентимент и наслаждаются чувством страха, который они сами и культивируют. Ницше поставил задачу опровержения этой мизологической пропаганды. Он осознает себя первооткрывателем нового пути культуры. Ницше писал: «Я изобретатель дифирамба. Пусть послушают, как говорит Заратустра с самим собою перед восходом солнца: таким изумрудным счастьем, такой божественной нежностью не обладал еще ни один язык до меня» [4, т. 2, с. 751].

Свою задачу Ницше видел в том, чтобы устранить отравленное послание и заменить его новым, оказывающим целительное воздействие на читателей. Если старое послание вело к отречению от жизни, то новое было ее утверждением, противостоящим энтропии культуры. В современном понимании этого слова «информативным» является такое сообщение, которое уменьшает неопределенность, хаос и обеспечивает порядок. Но поскольку далеко не все люди способны и творить, и управлять собою, то это евангелие – для меньшинства, для избранных, более того, оно – «для никого». Это послание, не имеющее адресата, ибо сейчас еще нет никого, кто бы мог воспринять посланное сообщение. Меланхолия Ницше во многом была вызвана тем, что за годы после выхода «Заратустры» у него так и не появилось ни одного ученика.

«Действенно-историческое» значение «Заратустры» оказалось не таким, как ожидал Ницше. Заратустра был объявлен пророком воли к власти. Не опровергает ли это тезис об отсутствии адресата послания Ницше? Причину такого расхождения следует искать во внутренней экономии нового послания, которое требовало за право его распространения поистине невозможную плату. Распространитель считается проповедником «плохого послания». Не случайно, что сам Ницше стал изгоем. От своих учеников он требовал слишком радикальной абстиненции от иллюзий и стереотипов, настолько радикальной, что обрекал их на одиночество.

Ницше хотел вернуть людям миф. Он, конечно, понимал связь своей психологии и метафизики и понимал свое философствование как чудовищный познавательный эксперимент, поставив собственные страдания на службу познания. Чем больше Ницше платил страданиями за открытые истины, тем сильнее удалялся от людей, ибо разрушал ту ложь, которой они жили. Со все большего расстояния он созерцал идолов Рода, Рынка и Пещеры. Как «гипербореец» он обрел слишком высоко расположенное и холодное убежище, напоминающее ад. Это и объясняет тот факт, что у него не было учеников. То, что Ницше предлагал людям, отпугивало их. Его теория истины как «болезни к смерти» – атака на «алетейю», т. е. понимание истины как открытия скрытого. На самом деле концепция истины имеет иммунное назначение: она не открывает, а укрывает, охраняет человека. Такое охранительное значение имеют мифы и предрассудки. Если их отбросить, человек окажется в пустом и безжизненном пространстве беспомощным и незащищенным. Этот «экономический», может быть, «экологический» недос-

таток Ницше послания необходимо осознать и попытаться компенсировать его «злое содержание» творческим мобилизующим людей на жизнь и борьбу содержанием.

Список литературы

1. McLuhan. Understanding Media. N.Y., 1963.
2. The Jefferson Bible. Boston: F. Church and J. Pelikan, 1989.
3. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.: Изд-во Сытина, 1913.
4. Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990.

B. V. Markov

ETHIC MESSAGES TO HUMANITY

The immune function of speech is considered which has autoplasmic purpose consisting in formation of identity of a person or a group. The proposed approach unlike semantics reveals more adequately language usage not only in ethic messages but in promises, slogans and other speech acts that can be found in abundance in everyday communication.

Language, speech, rhetoric, communication, religion

УДК 39:124.5

А. А. Степихова

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОЛОГИИ КАК НАУКЕ

Излагается вопрос становления этнологии как науки, анализируются основные ее проблемы и показывается необходимость изучения философских, в частности, аксиологических проблем этнологии.

Этнология, предмет этнологии, проблемы этнологии, системы научных знаний в этнологии, аксиологические проблемы этнологии

Современная историческая и социокультурная ситуация характеризуется ростом этнического самосознания в нашем обществе, обращает людей к осознанию своих этнических корней, к поиску ответов на вечные вопросы бытия, отражающих особенности этнического мировосприятия. Выявление этих особенностей может способствовать разрешению противоречий, возникающих в политической, экономической, социальной и культурной сферах жизни.

Актуальной сегодня стала проблема совмещения типов поведения разных народов, взаимодействия и взаимовлияния различных типов культур, развития этнического сознания, его сохранения и видоизменения в условиях другой общности, культуры.

Активное развитие этнологии вынуждает нас обратиться не только к истории ее возникновения, но и к философскому осмыслению ее проблем.

Слово «этнология» образовано от гр. *ethnos* – народ и *logos* – слово, наука. В Древней Греции понятие «этнос» использовалось для обозначения иных народов, не греков, отличающихся от последних языком, формой социального устройства, образом жизни, верованиями. Первоначально изучение различных народов происходило в форме описания, затем полученный материал систематизировался и классифицировался. Подобный способ знакомства с «чужими» культурами имеет древнюю историю. Так, древнегреческий историк Геродот, живший в V в. до н. э., дал первое систематическое описание жизни и быта скифов.

Как самостоятельная наука этнология оформилась к середине XIX в., а ее возникновение было связано с практическими потребностями того времени: стремлением объяснить различия в культурном развитии народов, понять механизмы формирования и особенности этнической психологии, выяснить причины расовых различий народов, установить взаимосвязь этнических особенностей и общественного устройства, определить причины расцвета и упадка культуры и исторической роли того или иного народа.

В XIX в., в связи с ростом научно-технических знаний, народы, не достигшие столь высокого уровня технического развития, воспринимались как отсталые. Предметом этнологии долгое время были «первобытные» народы, которые, как считали многие ученые, находились на начальной стадии развития («примитивный» – «первый»). Примитивные народы и их культуры стали объектами исследования этнологии (Э. Тайлор «Первобытная культура», Л. Г. Морган «Древнее общество» и др.).

На рубеже XIX–XX столетий стало меняться представление о «первобытных народах», которые перестали восприниматься как примитивные и отсталые. Новое поколение ученых-теоретиков утверждало, что эти народы имеют свою историю и их культуры не являются более ранней формой развития европейской цивилизации. В XX в. появилось осознание того, что нельзя определять народы как «отсталые» и «передовые», а их культуры могут быть оценены лишь «функционально по отношению к своей общности, то есть с позиций того, насколько эффективно они упорядочивают, направляют, наполняют смыслом существование того или иного народа» [1].

Именно такую новизну в деятельности этнолога отмечает Э. Сепир в своей работе «Различные концепции культуры». Он пишет, что термин «культура» используется этнологами и историками культуры как «технический термин, охватывающий любые социально наследуемые черты человеческой жизни, материальной и духовной» [2, с. 466]. Этнолог различает культуры по степени сложности их элементов, но не выделяет моральной шкалы ценностей и не может сравнивать в этом отношении разные типы культур. Э. Сэпир, говоря о культуре, отмечает ее важность в процессе осознания этносом своих особенностей и своего места в истории. Автор подчеркивает, что этнолога интересует «не столько то, во что верит тот или иной народ или что им создано, сколько то, каким образом созданное этим народом и то, во что он верит, функционирует в его жизни, какое значение имеет все это для данного народа» [2, с. 469].

Вследствие такого подхода в рамках этнологии выделились следующие системы знания:

– *этносоциология*, изучающая взаимосвязь собственно этнических и социальных явлений – семантику пространства, обряда, ритуала, костюма, изучение истоков праздников и т. п. (А. К. Байбурин «Жилище в обрядах и представлениях восточных славян», «Семантический статус вещей и мифология»; А. К. Байбурин, А. Л. Топорков «У истоков этикета»; П. Г. Богатырев «Функции национального костюма в Моравской Словакии»; Т. А. Новичкова «Этническое сватовство и свадебный обряд»; В. Е. Еремина «К вопросу об исторической общности представлений свадебной и погребальной обрядности» (невеста в «черном»); Н. Ф. Сумцов «Символика славянских обрядов»; В. Я. Пропп «Аграрные праздники» и т. п.);

– *этнолингвистика*, рассматривающая взаимосвязь культуры, «норм поведения и мышления» и языка (Б. Л. Уорф «Отношение норм поведения и мышления к языку»; Э. Сепир

«Речь как черта личности»; А. Вежбицкая «Понимание культур через посредство ключевых слов»; В. С. Елистратов «“Сниженный язык” и “национальный характер”» и др.);

– *этнопсихология*, изучающая психологические особенности и механизмы какого-либо этноса или общности, «этническую идентификацию и самоидентификацию», «этническое сознание и самосознание» (Е. М. Галкина «Этническая идентификация у выходцев из национально-смешанных семей (этносоциологический и этнопсихологический аспекты)»; В. П. Тоидис «Этнонациональный менталитет и этническое самосознание (некоторые методологические вопросы)», «Этнокультурная среда – источник этнонационального самосознания»; Н. Д. Байтенова «Диалектика национального и интернационального как методологический принцип исследования современных этнических процессов» и др.).

Этнология чувствительно реагирует на процессы, происходящие в мире, обращаясь к проблемам, наиболее актуальным для данного периода. Так, среди первостепенных вопросов, требующих разрешения, исследователи выделяют следующие:

- что представляет собой этническая картина мира;
- каковы механизмы ее изменения;
- как носитель той или иной культуры адаптируется к изменениям, происходящим в мире;
- как к этим изменениям адаптируется общество, в котором он живет;
- как человек воспринимает окружающий мир;
- каковы в его представлении значения предметов окружающего мира;
- как в его сознании происходит смена этих значений;
- как на смещение этих значений влияют межкультурные взаимодействия;
- каковы пределы гибкости и подвижности этнической традиции;
- что в сознании членов этноса в любых обстоятельствах остается неизменным, что отбрасывается, что видоизменяется и как;
- какова взаимосвязь и взаимозависимость внутрикультурных парадигм, каковы их возможные траектории движения, пределы их колебаний;
- есть ли в этнической культуре неподвижные участки, которые удерживают всю структуру, предохраняя ее от распада в периоды бурных общественных процессов [3, с. 5–6].

В поисках ответа на перечисленные вопросы в этнологии в зависимости от метода и направления исследования четко оформились и успешно развиваются хозяйственная (экономическая) этнология, социальная этнология, правовая этнология, политическая этнология, религиозная этнология [1].

Поток проблем, вошедших в поле зрения этнологии, возрастает. Нетрудно заметить, что круг собственно философских вопросов (онтологических, гносеологических, методологических и аксиологических) очень узок. Сегодня высказываются отдельные идеи осмысления философских проблем, однако целостных исследований, посвященных им, фактически нет. Так, в частности, вызывает удивление тот факт, что изучение ценностных ориентаций в этнологии относится только к 60-м г. XX в. Рассмотрим состояние аксиологического вопроса в этнологии.

Определяя ценностные ориентации как совокупность убеждений и представлений личности об окружающем мире, позволяющих ей ранжировать все предметы и явления по их значимости для ее жизни [4, с. 167], этнология только в последние десятилетия в рамках исследова-

ния национального характера обратилась к вопросу о том, к какой категории принадлежит концепция ценностей («соотносится ли она прежде всего с индивидом или с группой»). Этнологи в большинстве своем рассматривали индивида как носителя культуры и как лицо, которое может предоставить информацию о коллективных ценностях, в первую очередь, и только во вторую очередь – о нем самом. Так, одним из первых среди этнологов определение понятию «ценность» дал К. Клакхон: «...ценности – это осознанное или неосознанное, характерное для группы индивидов представление о желаемом, которое определяет выбор цели (индивидуальных или групповых) с учетом возможных средств и способов действия» [3, с. 102–103]. Изучая с помощью тестов отношение человека к общим проблемам: ко времени и пространству, к природе и людям, к религиозным категориям, Ф. Клакхон получила несколько вариантов ответов. Так, на вопрос об отношении человека ко времени выявилось только три ответа: человек может быть ориентирован на настоящее, прошлое и на будущее. Также отношение к природе может быть только трояким: подчинение природе, покорение ее, гармония с ней.

Главный интерес для Ф. Клакхон представляло исследование роли ценностей в интеграции культуры и протекание процесса культурных изменений, но ею не затрагивался вопрос о том, как ценности интегрируются внутри личности, она не пыталась выработать сколько-нибудь целостную теорию личности, которая способствовала бы ее собственным научным исследованиям.

С. В. Лурье отмечает, что в различных исследовательских традициях в рамках изучения национального характера сложились различные взгляды на сущность и происхождение ценностей. Спор между представителями культурано-центрированного и личностно-центрированного подходов сводился к утверждению влияния на личность коллективных ценностей или индивидуальных особенностей модальных личностей на формирование групповых ценностей. Вопрос о соотношении и возможном синтезе этих двух подходов стал рассматриваться только в 60-е гг. этнологом М. Смитом. Он предполагал, что личностные ценности являются результатом сложного взаимодействия между культурой и ее носителями.

Все вышеизложенное подтверждает необходимость изучения аксиологического компонента в этнологии, способного дать ответ на многие вопросы, стоящие перед этнологией. Данная задача ставит перед исследователем вопрос о выборе адекватных методов изучения проблемы.

Список литературы

1. Садохин А. П. Этнология. М.: Гардарики, 2000.
2. Сепир Э. Различные концепции культур // Избр. тр. по языкознанию и культурологии. М., 1993.
3. Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2004.
4. Садохин А. П. Этнология: Учеб. словарь. М.: Гардарики, 2002.

A. A. Stepikhova

ON THE QUESTION OF ETHNOLOGY AS A SCIENCE

In this article the question of genesis of ethnology as a science is stated, its basic problems are analyzed, and the necessity of studying philosophical problems of ethnology is shown, with paying particular attention to axiological ones.

Ethnology, subject of Ethnology, Ethnology problems, scientific knowledge systems in Ethnology, axiological problems in Ethnology

УДК 802. 0: 801. 318

Л. И. Стишкова

ЧЕРЕЗ «СЕМАНТИЧЕСКИЕ ДЕБРИ» АНГЛИЙСКОЙ ИДИОМАТИКИ К ЭФФЕКТИВНОМУ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ОБЩЕНИЮ (на материале текстов по экономике, финансам и менеджменту)

Рассматривается вопрос об использовании английских единиц в сфере экономики, финансов и менеджмента. Выясняются особенности прагматического воздействия высказывания, содержащего идиому, на партнера по межкультурному общению. Недостаточное знание идиоматики может приводить к серьезным коммуникационным сбоям, которые возникают в результате неадекватного восприятия передаваемой информации. И, наоборот, знание идиоматических единиц и особенностей их реального функционирования в конкретных речевых ситуациях способствует более успешному профессиональному взаимодействию как в пределах одного, так и различных культурно-языковых сообществ, имеющих значительные расхождения в национальных менталитетах.

Адекватное восприятие, идиома, коммуникационный сбой, кросскультурное взаимодействие, прагматическая установка, симметрия межкультурного общения

С появлением общеевропейского рынка началось бурное экономическое развитие стран и целых регионов как внутри Европейского сообщества, так и за его пределами. Глобализация экономической деятельности, возникновение новых зарубежных рынков, действующих как единая система товаров и услуг, организация транснациональных компаний вызвали к жизни необходимость иметь универсальный базовый опыт, который сделал бы профессиональную межкультурную коммуникацию – экономика является таковой – более успешной.

Однако на пути такой коммуникации часто возникают серьезные барьеры, одним из которых является язык. Как утверждает профессор-экономист Stephen Hagen [1], каждый пятый британский экспортер испытывает языковые трудности, а каждый восьмой проваливает сделку. Причина провалов одна: неправильное межкультурное взаимодействие. Ученый предсказывает, что неэффективная кросскультурная коммуникация может привести к тому, что четверть потенциальных сделок на привлекательных рынках Европы, Азии, Латинской Америки уже в ближайшее время могут оказаться в зоне риска только из-за лингвистических проблем.

Коммуникационные сбои могут быть вызваны неправильным использованием языка, непониманием значений тех или иных языковых единиц или различных оттенков их значений, незнанием норм речевого поведения, грамматических структур и их реального функционирования в конкретных речевых актах.

В настоящее время английский язык получил огромное распространение в мире как **lingua franca** – язык международного общения – и обязательное знание его (в том числе и современной английской идиоматики) является важной предпосылкой для успешной профессиональной деятельности.

В данной статье ставится цель исследовать языковую интеракцию на материале идиоматических единиц современного английского языка¹, используемых в сфере экономики, финансов и менеджмента. Материалом для исследования послужили статьи, опубликованные в английских и американских журналах и газетах за последние десять лет.

Авторы статей и книг, пишущие об экономике, финансах, менеджменте (далее: экономике), широко используют сленг, жаргон, разного рода метафоры, идиоматические выражения. Любой «уважающий себя» журналист знает, что **stock-markets** (фондовые рынки) не просто **decline or fall** (падают), а они **plummet or crash** (стремительно рушатся, терпят крах), **swoon** (обваливаются), **shudder** (лихорадят), **haemorrhage** (истекают кровью) и даже **plunge or sink in a river of blood** (тонут в море крови). И, наоборот, когда наступает период **correction** (выравнивания), они описывают такую ситуацию как **burgeon** (расцветают), **rocket, surge** (взлетают до небес), **soar** (стремительно поднимаются). Такие подъемы и падения, вернее их описания, вводят в заблуждение, вызывают панику и, в конечном итоге, оказывают неадекватное воздействие на поведение людей особенно в ситуациях кросскультурного взаимодействия.

Идиома как особая единица языка обладает «ярко выраженными стилистическими особенностями, благодаря которым её употребление вносит в речь элемент игры, шутки, нарочитости» [2]. Она находит благодатную для себя почву в текстах по экономике. Анализ только названий статей, заголовков, подзаголовков показывает, что авторы любят идиоматику, очень широко ею пользуются, через идиомы пытаются усиленно воздействовать на партнера по ситуации, заставляя его удивиться, восхититься, заинтересоваться, возмутиться, начать действовать.

«**Cockfight**» (Петушинный бой) [Ес. М., 1999] описывает совсем не шуточную борьбу двух известных французских бизнесменов, торгующих товарами роскоши. Bernard Arnault и Francois Pinault сумели сколотить огромное состояние благодаря своим влиятельным друзьям во французском правительстве. Сейчас они оба одержимы одной страстной идеей: во что бы то ни стало приобрести итальянскую фирму модной одежды Гуччи, её филиал, который находится в Амстердаме. Оба бизнесмена имеют весьма скромную репутацию как менеджеры, но хорошо известны их бойцовские качества. Они заявляют, что в случае необходимости, призовут на помощь парашютистов, которые приземлятся точно на лужайке, где пройдет линия фронта. Создается впечатление, что это не просто спортивная игра, а реальная угроза. Спустя почти четыре года, журнал снова возвращается к данной теме в статье **Gucci Coochie Coup** [Ес. Nov., 2003]. Заглавие поражает своей необычностью, непонятностью. Gucci негромко объявляет о том, что его «золотые мальчики» Mr. De Sole, исполнительный директор, и Mr. Ford, директор по дизайну, вынуждены уйти из компании, несмотря на все усилия достичь согласия с владельцами «Pinault – Printemps – Redoute» (PPR). Оба высокопоставленных менеджера решительно высказываются против усиления контроля за

---

¹ То, что зафиксировано в идиоматических словарях современного английского языка.

фирмой со стороны главных французских акционеров. Заметим, что вышеуказанный Pinault оказался победителем в «Петушином бою». Более того, он готов идти дальше, пытается заставить Gucci сдать свои позиции, так как «With little management control from its majority shareholder Gucci had become **the tail that was wagging the dog**» (хвост, который виляет собакой).

Совершенно ясно, что тонкий политик **Gucci Coochie Coup** делает хитроумный шаг, когда объявляет об уходе из компании двух ведущих первоклассных менеджеров, ибо без них весьма приличные доходы быстро превратятся в весьма ощутимые потери. Это, естественно, не может понравиться французским «денежным мешкам», тем более что теперь Pinault замахнулся на покупку «Sanofi», которая включает такое имя как Yves Saint Laurent. Можно только предполагать, что последует за этим ходом Gucci, насколько адекватным будет восприятие данной информации теми, кому она адресована, и как отреагирует PPR на такое сильное прагматическое воздействие. Следует заметить, что для симметричной рецепции самой информации, эмоционального настроения, его прагматической установки одной языковой компетентности оказывается недостаточно. Чтобы вытащить то, что лежит глубоко внутри, а не на поверхности, требуется обращение к жизненным реалиям, другим областям знаний – экономике, культурологии и др. Только все это вместе делает межкультурную коммуникацию эффективной и успешной.

Продолжим анализ материала. «**Bells and Whistle-Blowers**» [Ес. М., 1999] описывает состояние американского рынка телефонной связи, где ожидалось слияние трех компаний, но только один гигант – оператор кабельной связи получил «благословение» от своих акционеров и может бить в *колокола* по этому поводу. Для двух других операторов участие в сделке оказалось проблематичным на данном этапе, они приостановили сделку, «свистнули в *свисток*». Название статьи не так прозрачно: в нем может «прочитываться» еще один план содержания. «Bells» очень похожи на «Sony Bells» (название компании), но реальный факт заключается в том, что именно эта компания получила запрет, т. е. оказалась «свистком». С другой стороны, «**Bells and Whistle-Blowers**» очень напоминает идиоматическую фразеологическую единицу **bells and whistles** (хотя есть некоторое несовпадение лексических компонентов), которая означает дополнительные приспособления, как правило, не имеющие функциональной нагрузки, но внешне привлекательные. Выражаясь современным языком, это «прибамбасы» (чаще всего используется в неформальном стиле общения. Features are **bells and whistles** of products those secondary characteristics that supplement the products basic functioning [QM, 1995].

Исследование показывает, что авторы статей часто прибегают к использованию идиоматических единиц, реализуют различные стороны их семантики с целью придать «сухой» науке большую привлекательность (**Bubble Babble, Cluster Buster, Turning up the Juice on Customer Service**). Кроме того, идиомы являются своего рода подсказками, как следует понимать ту или иную информацию, так как « субъект высказывания, пользуясь языком, говорит что-то и о себе самом; происходит сочетание когнитивных процессов с выражением внутренних побуждений» [3, с. 272]. «**Barbarians at the Gate**» (Варвары у ворот) [Ес. А., 1999] откровенно намекают на новость, которая потрясла японский деловой мир: иностранная фирма – конкурент «Рено» может стать партнером по автомобильному

бизнесу. **The World is Their Oyster** (Они имеют все, что хотят) [Ес. J., 2001] очень неодобрительно отзывается о пилотах, работающих в национальных компаниях, которые получают оплату не за профессиональные качества, а за стаж работы.

Идиома как особая единица языка позволяет связать языковое и неязыковое знание, стимулирует восприятие и помогает сократить разрыв между языком и речью, что является одной из актуальных задач межкультурного общения. Как справедливо замечает К. Ажеж: «То, что воспринимается, принадлежит языку; то, что (более или менее удачно) производится, принадлежит речи» [3, с. 272]. В контексте идиома наполняется конкретным содержанием, и, так как в нее вкладывается индивидуальный опыт автора, может быть неадекватно воспринята, особенно при отсутствии знаний реального мира, о котором идет речь.

Исследование показывает, что тексты по экономике порой «напичканы» идиомами, а авторы смело и умело экспериментируют с ними. Says Daiger: «She **dresses very blue-collar**, and she doesn't look a typical manager of people». Используя современный продуктивный способ словообразования (конверсию), автор легко превращает существительное blue – collar («голубой воротничок», рабочий) в наречие «одеваться по-рабочему», как рабочий.

It wasn't at all sweetness and light. Hershock says: «one manager on the operating team **dragged his feet** all the way». Hershock worked to convince the man of the benefits of the team approach, but **to no avail**. Eventually the manager found a good job in another division. «You need to have a sense of who's not **buying in** and let the teams **kick people off** who aren't **carrying their weight**», Hershock concludes [F. M., 1990]. Этот небольшой отрывок – законченное мини-произведение, в котором автор вспоминает случай, как непросто складывались отношения начальника с одним из менеджеров оперативной команды, специально созданной для разработки новых стратегий. Менеджер постоянно *медлил*, и было *бесполезно* доказывать ему преимущества командной работы. В конце концов, менеджер нашел себе другое место. (Сейчас его отдел лучший). «Необходимо иметь понимание того, что некоторые не могут *вписаться* в команду, и тогда команда должна *избавляться* от людей, которые *не хотят нести свою долю нагрузки* и не имеют никакого авторитета».

В приведенном примере сообщение носит эксплицитно-концептуальный характер, так как содержащаяся в нем информация предназначена непосредственно воздействовать на поведение реципиента и, в конечном итоге, повлиять на его систему ценностных представлений. Рисуеться картина реального и затем модулируется картина того, что должно быть.

Продвигаясь дальше через «семантические дебри» современной английской идиоматики, мы получаем все более полное представление о том, как человек, активно взаимодействуя с объектами и явлениями окружающего мира, приобретает и передает свой индивидуальный опыт партнерам по общению как внутри языкового сообщества, так и за его пределами.

The bull market in American shares is still under way... Wall street's best-known **bulls** are still rampant. Abby Joseph Cohen, of Goldman Sachs, is more **bullish** than ever – even spotting sings of improvements in some of the world's most troubled economies... Many **bearish** com-

mentators (a category that has included the Economist) are loath **to cry wolf** again. But recently **the bears** have found fresh justification for their gloom [Ec. M., 1999].

В данном отрывке описывается рынок акций американских компаний, играющих на повышение цен (**the bull market**); упоминаются самые известные «быки» (**bulls**), т. е. те самые, кто играет на рынке ценных бумаг с целью перепродать их по более высокой цене; сейчас они безудержны в своих устремлениях – это их время; даже называется тот, кто более успешен (**bullish**), чем когда-либо. Почти симметрично описаны «игры» с ценными бумагами на другом рынке (**the bear market**), где играют на понижение цен; «медведи» (**the bears**) получили новые доказательства того, что ситуация для них довольно мрачна и бесперспективна. Однако многие комментаторы, включая «The Economist», совсем не склонны драматизировать ее и бить тревогу.

Уникальный пример того, как мастерски автор воплощает часть реального мира экономики в конкретной речевой ситуации идиоматическими языковыми средствами, показывая пути их реального и экономического функционирования. Замечено, что в текстах по экономике широко используются идиоматические фразеологические единицы, в составе которых присутствуют лексические единицы, обозначающие названия животных. Здесь и вышеупомянутые быки (**bulls**), медведи (**bears**), волк (**wolf**), коровы (**to milk the cow**), куры (**to kill the goose that lays the golden eggs**), коты (**fat cats**), собаки и пони (**dog-and-pony show**) и др.

Идиоматическая единица – это не только средство для передачи определенной информации и эмоционального состояния, но и отражение определенной идеологии отношений, складывающихся между сторонами – участниками процесса общения, результатом которого должны быть обоюдовыгодные решения.

Sometimes co-option requires **a stick** as well as **a carrot** of common purpose. Typically **the stick** is control over some critical resource, and the unstated logic here is, «Unless you play my way, I'll take my ball and go home» [HBR, 1993, с. 83]. The problem was how to repair the relationship with dealers so they would repair the breach with the customers and Sinclair approached it with **stick and carrot** in hand [For. M., 1989]. Иногда самой разумной является политика «кнута и пряника». Логика здесь одна: если ты не играешь по моим правилам, я ухожу, или: если вы хотите наладить отношения с партнерами по бизнесу, придерживайтесь политики «кнута и пряника». Идиома **carrot and stick** не требует детального описания, в ней достаточно определенности и точности. Более важным является контекст, в котором она помещена, а именно, более развернутое высказывание, выходящее за рамки одного предложения, в котором отражен скорее эмпирический опыт авторов, чем концептуальный.

Проведенное исследование показывает, что в сфере экономики, финансов и менеджмента идиоматические единицы находят благодатную почву для создания универсального базового опыта кросскультурного взаимодействия, так как реальные знания идиоматики, всего многообразия функционирования идиом в речи работают не только на конкретную авторскую идею и его прагматическую установку, но и на идею симметричности межкультурной коммуникации, в результате которой имеет место взаимное обогащение знаниями всех культур, которые выработало человечество.

Список литературы

1. Ажеж Клод. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / Пер. с фр. М.: УРСС, 2003.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966.
3. Hagen S. Business Communication Across Borders / CILT Publication. London. April. 1999.

Источники и сокращения

For. M., 1990 – Fortune. May, 1990.
For. G., 1990 – Fortune. June, 1990.
For. M., 1989 – Fortune. March, 1989.
HBR, 1993 – Harvard Business Review. 1993.
Ec. N., 2003 – The Economist. November, 2003.
Ec. J., 2001 – The Economist. July, 2001.
Ec. M., 1999 – The Economist. March, 1999.
Ec. A., 1999 – The Economist. April, 1999.
GM, 1995 – Quality Management. 1995.

Используемые словари

Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1984.
Freeman W. A Concise Dictionary of English Idioms. London: Hodder Stoughton, 1977.
Longman Dictionary of English Idioms. London: The Pitman Press, 1980.
Longman Dictionary of Business English. London: Relod, 1982.

L. I. Stishkova

THROUGH SEMANTIC MAZE OF ENGLISH IDIOM TO EFFECTIVE PROFESSIONAL CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

The use of English Idioms in the area of economics, finance and management is described. Some difficulties arise and communication suffers because of a comprehension gap between people within a single national culture as well as between people of different cultures. Two reasons for this perception are, first, that an idiomatic expression is misused, and second, the aim that an author has in view is misunderstood. Special importance is attached to the idioms «in action» since they contribute a great deal to people's understanding. As a result, the semantic barriers that block understanding can be overcome and effective professional communication achieved.

Accurate perception, communication failure, cross-cultural interaction, idiom, pragmatic intention, symmetrical cross-cultural communication